Сергей СОЛОУХ

Сергей Солоух родился в 1959 году в Ленинске-Кузнецком. Окончил Кузбасский политехнический институт. Автор многих книг (романы, рассказы, переводы, публицистика), в том числе «Комментариев к русскому переводу романа Ярослава Гашека “Похождения бравого солдата Швейка”». Печатался в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и др. В «Волге» публикуется с 1993 года. Живет в Кемерово.

АНАНАС

Роман

Мария Ивановна: – Дети, приведите пример предложения со словом «ананас».
Вовочка: – Мама уехала в Париж.
Мария Ивановна: – И где же тут слово “ананас”?
Вовочка: – А на нас всех хер забила.

***

Никогда. Никогда не просматривайте папку «Спам», никогда не открывайте письма от незнакомых людей, и ни в коем случае не отвечайте на звонки с неизвестных номеров. Ни за что. Простое правило. Но Ананьев его нарушал. Он просматривал время от времени папку «Спам», искал случайно сюда системой закинутые объявления о распродажах и концертах. Время от времени. Или пробегал глазами темы сообщений, сброшенных службами рассылок, для которых сам же создавал в почте правила – «в Спам», «все в Спам».

И на звонки он отвечал. Вынужден был. Иногда. Когда ждал слесаря, курьера, да мало ли дурацких ситуаций, когда нет выбора, и нужно откликаться на одни лишь голые цифры. Без всякого имени. Прозвища или фамилии. Вот и теперь, когда Ананьев, избавляясь от дубликатов, выложил очередного конан-дойля на Авито, восемь томов в черном коленкоре, 1966 год, Библиотека «Огонька», как он мог просто сбросить звонок? Незнакомые одиннадцать девяток, троек и прочих единиц?

– Слушаю вас…

Линия молчала. Глухо и безнадежно, как это иногда случается в неверном мире современной мобильной связи. Заело. Ни шипа, ни шуршания. Стена.

– Говорите… – механически все же сказал глухой стене Ананьев. Пожал плечами… тишина… и вдруг горячий воздух наполнил его ухо. Какой-то женский, молодой и звонкий голос, словно включившись в середине давно начатой фразы, весело объявил:

– … Владимир Яковлевич…

Ананьев отнял от уха трубку. С отвращением посмотрел на все те же одиннадцать цифр… ничего ему не говоривших, ничего не объяснявших… какие-то девятки, тройки, единицы, просто пристроившиеся к колючему, злобного вида плюсику… и сбросил звонок. А потом еще и заблокировал номер. Навечно. Навсегда.

Ананьева звали Юрием. Юрием Владимировичем. И в университете товарищи по курсу его прозвали… любя и не любя одновременно… Ананасом.

***

Владимир Яковлевич! Да что такое… Откуда лезет… зачем… это давно не существующее… имя-отчество… с чем и зачем сегодня связано…

Глупости… одна за одной… уже второй день. Субботним утром, вчера, проснувшись поздно, в счастливой тишине, в приятном сумраке комнаты с полузадернутыми шторами, с качающимися пылинками и порхающими между ними звоночками трамваев, куда-то спешивших по осенней, блестящей Лесной, вместо привычной тихой радости – выходной, Ананьев ощутил холодок. Он вспомнил, что в среду, в эту среду, двадцатого, была мамина годовщина, и он об этом забыл. Напрочь. Забыл впервые за девять лет.

Ананьев лежал на очень белой, очень чистой простыне. И наволочке, еще настолько свежей, что подушка казалась и выше… и прохладней, чем была среди недели. Новый, еще ни разу не выстиранный лен как будто даже слегка похрустывал. Приятно щекотал кожу и не прилипал к ней.

Это у него, конечно, от нее. От мамы... Болезненная страсть к чистоте. К непрерывной смене постельного белья и зубных щеток. И обязательной уборке каждую пятницу. Мысль об этом добавила раздражения... Вчера Ананьев, вернувшись домой, заметил в уголках кухонных окон какую-то бензинового оттенка муть и подумал, что надо отчитать Веру Ильиничну…

Это, конечно, здорово, что она завела в своем инструментарии какие-то специальные магнитные щетки… но если это чудо техники в углы не залезает и оставляет там такие заметные под вечер… в косых лучах заката… пятна-не-пятна, разводы-не-разводы, но что-то крайне… крайне неприличное, то надо руками, руками туда… не лениться…

Мама тоже, конечно, такое бы не стала терпеть… Но только она все мыла сама… Сама закатывала рукава. С тех пор, как у нее не стало ни дома, ни домработницы… Здесь, в Москве уже, ей приезжала помогать Лиля… Сестра Ананьева… Но много на Шаболовку из Южного Бутова не поездишь. Да и что давали эти наезды, если подумать… раз или даже два в неделю, когда у мамы уборка – процесс непрерывный. С утра до ночи… с утра до ночи… без остановки. Смысл жизни, можно сказать, – ни одного пятна нигде…

Ананьев встал, стянул через голову длинную университетскую футболку, служившую ему ночной рубашкой… вещь старую, но дорогую как память – стажировка в Массачусетсе… и отправился в ванную. Из зеркала над матовой вазой умывальника на него посмотрел моложавый человек – пятидесяти восьми никак не дашь, с красноватыми после долгого сна белками глаз. Волосы до душа и шампуня привычно завивались и топорщились – змеиное гнездо, как говорила Аня тридцать лет тому назад...

Ничего не изменилось, ну, только что серебро завелось в черных зарослях. Ужей разбавили гадюки. Или наоборот? Аня бы объяснила, но где она, Аня? Там же, где и мама… или еще дальше?

Ананьев откинул со лба прядь, пригладил шершавые волны и увидел мерзость – маленький прыщик над правой бровью у переносицы… Эти микроскопические белые головки, что время от времени могли проклюнуться у Ананьева… в его-то годы… то под носом, то на подбородке, вызывали смех у сестры Лили… наш Юрик – вечно юный… Мальчик…

И это… не казалось похвалой, теплой иронией – мы все туда… стареем, увядаем… а ты оттуда – несокрушимый, вечный пубертат… Идиотское слово… Из того же набора, что и патология…

Женщина везде… где только не нужно было показывать паспорт, называвшая годом рождения не пятьдесят восьмой, а шестьдесят восьмой, при этом… ему, брату Юре… все время напоминала, что она старше… На пять лет. Зачем?

Отвращение – привкус сегодняшнего пробуждения… холодная медь под языком и липкая камедь в гортани… не рассасывались. Не отпускали…

Надо же... Ананьев давно уже не испытывал того чувства, которое принято в обиходе называть стыдом. Или же сожалением… Что бы ни случалось… Какой бы ни был повод… Или же попросту давно уже не было настоящего… стоящего повода?

Какое мелкое, если вдуматься, в цепочке прочих… непоправимых… происшествие – впервые за девять лет забыл о маминой годовщине… пропустил… не вспомнил. Всего лишь…

Очередная, привычная запись в книге жизни, которую не вырубишь… как там… да… топором… Помарка, клякса, чепуха… конечно… но связанная с мамой… это, наверное… именно это… что-то и всколыхнуло в душе… ерунда, но с лицом мамы… с руками, не признававшими грязи…

И вновь на ум пришла Лиля…

Без нее даже простое действие, сулящее и быстрое, и легкое обретение душевного покоя – купить цветов, схватить такси, метнуться в Бутово – было неисполнимым… Невозможным… Никогда, ни разу за эти девять лет Ананьев не ездил на кладбище один. На это сумасшедшее… огромное… похожее на бесконечный пионерлагерь в мертвый час, южнобутовское кладбище… Один Ананьев не только могилу не отыщет, он даже не вспомнит, в какие из бесчисленных ворот – в дальние или ближние, в центральные или боковые – тыкаться… Да что девять… последние два года, когда Лиле объявили ничего хорошего не предвещающий диагноз, и больницы с санаториями стали ее домом, они и вместе-то никуда не ездили.

Правда, созванивались... Всегда созванивались… Накануне… И, может быть, от этого Ананьеву казалось, что это все он сам… Помнит, не забывает… двадцатое октября… Ну, как же…

А в этом году Лиля не напомнила, не позвонила… Но и винить ее никак нельзя было. Ей наконец нашли донора… донора костного мозга, и она опять в Питере, где «лучшие в стране специалисты и оборудование», а заодно и ближайшая подруга Лили по Первому московскому меду… сокурсница… и все поэтому бесплатно… всегда найдется нужная квота… Вот ей-то, Марии Михайловне, Маше, Ананьев вчера позвонить не забыл…

– В реанимации пока… на аппарате, да… но нет причин тебе особо сечься, Юра… все планово… как и должно быть… на следующей неделе переведем в общую палату… тогда и наговоришься…

Да уж… Другой такой общительной и разговорчивой на свете не найдешь. Рот у нее, у Лили, не закрывается. Ни на минуту… надо, не надо… мелет и мелет… Не чета, ни маме, ни самому Ананьеву. И это понятно. Есть в кого… Копия. Любимица. Да и чего бы ей этой самой копией и не оставаться. Ведь Лиле не досталось ни грамма из того, что свалилось тогда… в семьдесят третьем, нет, четвертом… четвертом, конечно… разом… на маму, и на Юру…

Ровно за месяц до непоправимого… сломавшего жизнь всем и сразу… Лильку… всегдашнего везунка… вечную туристку… лягушку-путешественницу… на полгода отправили в малаховский санаторий… интернат… на желтом песочке среди сосен… Тогда считалось, что у нее проблемы с сердцем… И она уже никогда… никогда после этого не вернулась в город, внезапно ставший помойкой… адом... Чугыш.

Районный центр на одноименной реке, притоке Оби. Крупная узловая станция на Транссибирской магистрали. Огромный машиностроительный завод. Шестьдесят шесть тысяч населения. Женщин, мужчин, детей…

Как их всех Ананьев ненавидел и ненавидит…. Особенно детей….

И мама, конечно… мама... Пока была жива… В этом Ананьев не сомневался...

А Лиля… Ананьев не знал, что она думает и чувствует… вспоминая сталинские четырехэтажки, дружно скучковавшиеся в центре, на бульваре имени Кирова… полукилометровую перспективу которого замыкал у реки – ДК машиностроителей, а у вокзала – ДК железнодорожников... Желто-красные, все как один парные, с эркерами, балконами, пилястрами и рустами, симметричными башенками и арками – ампир эпохи МГБ.

Не знал… и слава Богу… хорошо… при всей словоохотливости сестры была черта, которую она не смела переступать… Запретная тема…

Ананьев вдруг очень ясно представил себе эту черту... Линию... Отчетливо, как белую полоску, отделявшую у него под ногами красноватый кафель пола от серых с мелкой волной плиток стены. Как нож… рухнувшей гильотины. Здесь до, а там после… Никакой связи… Нет… и не должно быть… Отрезано…

И эта мысль, и образ… такой наглядный, точный… внезапно принес Ананьеву облегчение. Он зачерпнул в ладошку воду, вяло струившуюся из крана… поднес ко рту… втянул теплую и, быстро… перекатив от щеки к щеке… выплюнул.

Медь ушла… и камедь. И крови не было… Помогла, значит, чистка… не зря сходил на прошлой неделе. Отдал за час сидения в нелепой позе с открытым ртом, столько же, сколько за целый вечер в комфортном кресле хорошего ресторана…

Да, забыл… И это… это хорошо… Правильно… и мама бы одобрила. Именно она… Не надо ничего помнить, не надо, Юра… Учись… учись забывать, сынок… Учись... Отрезать и выбрасывать… выбрасывать…

Никакого Владимира Яковлевича в жизни Ананьева никогда не было…

Не было… и все…

***

Понедельник выдался таким неприятным и длинным, что было не до отвлечений. Утром в холле офиса, еще не успев войти в кабинет, освободиться от сумки с ноутом, пиджак отправить в узкий шкафчик, Ананьев столкнулся с Поройко. Старший партнер сам себе варил кофе. Ну, то есть пусто в конторе… еще даже офис-менеджер Зина не приехала, не запарковалась… Совсем никого, только две ранних птахи – Ананьев и Поройко... Последний, как водится, в прекрасном настроении…

– Ты в форме, Ананас? Хорек звонил вчера… обещал приехать до обеда… лично…

– Один? Сам, что ли?

– Вообрази… сам… без ансамбля, – фыркнул Поройко и захохотал.

– Ок, – не дожидаясь продолжения, сказал Ананьев, открыл стеклянную дверь своего кабинета, но это его не спасло…

– Ты помнишь плыли в вышине, – затянул у него за спиной Поройко… вроде бы и чисто, и даже красиво… умеет… но так, словно при этом что-то пещеристое… способное расти и надуваться… мял пальцами в кармане брюк…

– И вдруг погасли две… – серая дверца платяного шкафчика слегка мяукнула, когда ее резко открыл Ананьев, и съела слишком звонкую гласную: – … зды…

М-да. Зато счастливый смех Поройко уже ничего не могло заглушить.

Мастер всему выдумывать свои имена и давать прозвища – Андрей Поройко… Андрей Аркадьевич… был не только первым, кто в университете начал звать Юру Ананьева Ананасом… ему же принадлежала и честь изобретения названия самой конторы – «Поройко и партнеры».

– А почему не так, как у всех… сложилась же, вроде бы, традиция… – спросил его тогда Ананьев. – Всех просто взять и перечислить. Поройко, Ананьев и Райхельсон? Нет?

– Ну, тогда зазнайку Гошу надо ставить первым. Райхельсон, Поройко и Ананьев, – хмыкнул Поройко и поиграл многозначительно бровями, – А иначе, сам прикинь, кто же поверит… с Райхельсоном, ага, на третьем месте… что мы настоящая юридическая фирма, не дутая какая-нибудь компашка самозванцев…

Подозревать за этим нечто большее, нежели самый обычный поройковский цинизм, не было никакой причины. Половина поройковских девиц… и этого Ананьев не мог не знать… были либо Моисеевнами… либо Львовнами…

Но надо отдать ему должное, Андрею… Чутье… И стратегическое мышление… Не зря он тут формально и неформально старший… хозяин одним словом… Ничего не пришлось менять после того, как, не ужившись… и довольно быстро… ни с сангвиником Поройко, ни с аутичным Ананьевым… назойливый холерик Георгий Райхельсон покинул

коллектив… и его место занял глазастый и юркий… но деликатный и ненавязчивый… как вешалка или же ложка для обуви… Михаил Голомшток…

Между тем куплет… там, в холле… был окончен… И смех затих.

Поройко с чашкой утреннего капучино ушел в свой кабинет. Ананьев сел за стол, открыл ноут и увидел, что в самом деле, переговорная зарезервирована с одиннадцати до трех. Одним блоком. Ну, то есть слова Поройко не были лишь поводом для очередной непристойной шутки. Выходит, ждем…

Ананьев не разбирался в зоологии. Максимум, на что он был способен, – отличить кошку от собаки. И по этой банальной причине правоту или неправоту злого на язык Поройко оспаривать не брался… Возможно, и в самом деле директор российского филиала главного из двух или трех монополистов на рынке премиальных дорожно-строительных машин «ЭчБиЗи»… Борис Хуторянинов… напоминал повадками и обликом норное животное… Хищника или грызуна…

Блестящая щетка на голове, назойливый и острый нос, и два передних зуба с желтоватым блеском, обнажающиеся при любом движении тонких, бескровных губ.

До сегодняшнего дня видел Ананьев Хуторянинова всего лишь пару раз… и всегда в компании жены… весьма напористого и знающего юриста… которая вела себя на встречах так, как будто бы она директор местного «ЭчБиЗи», а не этот вот… человек справа от нее… с розоватой кожей младенца и немного выпуклыми пуговками неприятно ярких, как светофорная лупа, глаз…

К «Поройко и партнерам» русский «ЭчБиЗи» обращался в тех редких и деликатных случаях, когда требовалось заключение третьей независимой стороны. Год или два тому назад кто-то должен был убедить штаб-квартиру «ЭчБиЗи»… она же «Хаймаейр, Борек энд Зиммер»… в том, что чаемая хозяевами в Питсбурге русификация названия – «ХБЗ»… не станет подарком для ушей русских клиентов, совсем не тот произведет эффект подобное прямолинейное одомашнивание алфабета в алфавит… какой наивно ожидается… там, в Пенсильвании… и точно не станет шагом к благозвучности… и не приведет к росту продаж.

Дело было столь же ясным, сколь и щепетильным… искали формулировки, с одной стороны – точности, а с другой – округлости и завуалированности… и когда все, кажется, получилось и очень даже убедительно, Борис Хуторянинов, все больше помалкивавший и скалившийся… все два часа… как-то противоестественно склонился вдруг к Ананьеву и мечтательно сказал:

– А все-таки жаль… красиво все же было… ХБЗ…

– Простите, вы это в каком смысле…

– Понимаете, – очень тихо, едва ли не про себя добавил Хорек… сначала вправо быстро покосившись, а потом влево… как будто убеждаясь, что и Поройко, и его собственная, боевитая жена, Екатерина… Екатерина Ивановна Хуторянинова, заняты бутербродами и чаем, – у меня отчество… Захарович…

– Я помню…

– Ну, вот… Хуторянинов Борис Захарович. Хэ-Бэ-Зэ.

В тот день и решил Ананьев, что Хуторянинов – попросту образцовый… черт знает, какой ватой… набитый идиот.

Потом было еще два или три подобных же анекдотических дела… И как-то невольно, сама по себе стала налаживаться уже прямая связь «Поройко и партнеров» с юридической службой большого «ЭчБиЗи»… не того, что в Москве, с офисом в один этаж в Кривоколенном переулке… а со штаб-квартирой, стеклом и бетоном, в штате Пенсильвания… Чему отменный английский Ананьева… вкупе со знанием и североамериканских законов и, собственно, того, как функционирует за океаном юридическая система… очень и очень способствовал… И в результате – был… неделю или две тому назад… получен в высшей степени конфиденциальный запрос…

Требовалось дать внешнее заключение – не возникает ли конфликт интересов, своих, шкурных и личных, с интересами большой компании и ее доверчивых акционеров из-за

того, что в русском филиале директор и начальник юротдела носят одну общую фамилию – Хуторяниновы.

– Ну, жди визита… – сразу сказал Ананьеву Поройко.

– Да как же они узнают?

– Узнают, не волнуйся… непременно узнают… – с уверенностью повторил Поройко и присвистнул так, словно на улице внезапно увидал девушку… с которой у него что-то когда-то было, и, может быть, начнется снова… – Ха-ха…

И оказался прав, проныра и ходок.

***

Единственная загадка, которая разрешилась легко и сразу, это причина, по какой Хорек прибыл один. Но до того, как прибыл, загадки только множились...

Борис Хуторянинов не явился ни в одиннадцать, ни в три… четырехчасовой блок, зарезервированный Поройко и всем закрывший переговорную, истек… а Хорька все не было…

Он перезванивал… ссылался на задержку у клиента… а когда Поройко в свою очередь сказал, что может после четырех «отъехать»… как будто даже обрадовался новости… и сообщил, что «это не страшно»… и он тогда поговорит с «одним лишь Юрием Владимировичем»…

– А вот уж хрен тебе… – осклабился Поройко… полюбовался на самого себя в черное зеркальце – экран погасшего телефона и постановил: – Ишь чего… ну, тогда, вообще, у меня в кабинете будем беседовать…

Обрадовал или же разочаровал Хуторянинова подобный оборот дела, Ананьев сказать не мог. Когда ему самому позвонил Поройко и позвал к себе, первые слова уже были сказаны в кабинете старшего партнера, и если какой-то эффект неожиданности еще кому-то и был обещан, гарантирован… то только ему… Ананьеву:

– Поздравь, Юрий Владимирович, Бориса Захаровича, – бухнул Поройко после положенного обмена рукопожатиями, – он вот… как раз накануне… папой стал…

– Да, у нас дочь родилась в четверг, – подтвердил Хуторянинов и при этом так посмотрел на бездетного Ананьева, словно этот прискорбный факт был ему хорошо известен…

– Поздравляю… поздравляю от всей души… – сказал Ананьев и еще раз пожал руку Хуторянинова… пытаясь при этом, Бог знает для чего, автоматически… понять и сопоставить две вещи… сколько им лет… Хорьку и его жене… тридцать? тридцать два?.. а еще когда… когда он эту самую жену Хорька, Екатерину Ивановну Хуторянинову, последний раз видел… весной, наверное, в апреле или в мае… ну, да… тогда, конечно, никакого живота еще, пожалуй, и быть не должно было бы…

– Но она ненадолго выпадет из работы… – между тем, оказывается… не молчал, а что-то говорил Хуторянинов… – три, максимум… четыре месяца…

– Ну, хорошо, – кивнул Поройко. – Хорошо. Срок небольшой, а с кем держим пока контакт… ну, мало ли…

– Со мной… со мной непосредственно… – ответил Хуторянинов и посмотрел при этом… посверлил иголочными, мерцающими, как острие буравчика, зрачками не на Поройко, задавшего вопрос… а на молчавшего… да и вообще вид абсолютно безразличный имевшего Ананьева…

И вновь Ананьеву показалось, что это персональное внимание неспроста… Как, собственно, и сам визит… да, и разговор, в общем, ненужный… неуместный и непрофессиональный… О смене контактного лица на ближайшие три-четыре месяца можно было сообщить самым обычным мэйлом…

– Обмывать-то девочку планируете? Событие, однако… – внезапно, со свойственной только ему бесстыдной веселостью и прямотой, поинтересовался Поройко у

Хуторянинова… и тот, сначала дернувшись… словно от саечки за испуг или предательского щелчка… тут же расплылся в неимоверной широты улыбке…

– Да, я… собственно, отчасти… ну, то есть главным образом… за этим…

И Ананьеву показалось, что ехидный любитель всех брать на понт и провоцировать Поройко… невольно или вольно… соломинку Хорьку подсунул, и тот за нее схватился…

– Вот заберу Екатерину… Екатерину Ивановну из роддома… и сходим куда-нибудь… давно на самом деле пора… тимбилдинг… мы же team в конце концов… и давно…

Все это радостно тараторя, Хуторянинов… вновь… взглядом… своими электрическими кружочками с дырочками от ножки циркуля в середине, ловил взгляд не Поройко… а Ананьева…

– Тимбилдинг, – непроизвольно… с изумлением повторил за Хуторяниновым Ананьев… И получил в ответ такой луч дружбы и любви, какой только и мог один англоговорящий человек от другого… в компании третьего… имеющего в своем лингвистическом арсенале помимо интернационального «ok»… еще и «I am because»…

Когда все кончилось и, попрощавшись с гостем в холле у лифта… партнеры дружно вернулись в поройковский кабинет… Ананьев спросил:

– Зачем он приходил? Он что-то хотел? Он что-то в самом деле знает?

– Да, хбз! – со смехом отозвался Поройко, – хэ… бэ… зэ…

И глядя на его счастливое, забот и беспокойств, казалось, никогда не знающее лицо, Ананьев подумал, что у Поройко есть ответ на заданный вопрос… а если же и нет, то совершенно точно имеется ясное представление о нем… старший партнер догадывается…

Ну, да и черт с ним... Черт с ним… Самого Ананьева жизнь приучила… и давно… ничего не додумывать, не прикидывать раньше времени… не выходить из состояния душевного равновесия... Или само рассосется как-нибудь... или другие разрулят без него… или…

Сестра… очень разговорчивая Лиля… называла это свойство брата Юры черствостью... А мама… всегда предпочитавшая молчать… как бы она назвала то, что защищает его тело… плоть… как панцирь… колючая, непроницаемая шкура… чешуя…

***

Странный и, главное, долгий день – никак не разрешившегося саспенса… закончился бесконечным и нудным собеседованием. Поройко все-таки уехал… какое-то дело у него назрело в Москва-сити… и, кажется, к делам конторы имеющее самое отдаленное отношение… и пришлось Ананьеву засесть в переговорной с кадровичкой… менеджером по персоналу… Еленой Николаевной… и слушать… слушать… сквозь тошнотворно… мелкое вопросно-процедурное сито пропускать… поток желающих занять место офис-менеджера…

Всеобщая волна воспроизводства себе подобных не миновала и контору. Но если рост живота жены Хорька… юристки «ЭчБиЗи» счастливо шел где-то за кадром, то о Зине… Зиночке – нынешней хозяйке… как стойки с визитками и телефонами на входе, так и кофе-машины в холле… этого сказать никак нельзя было… Через два месяца… а то и раньше… она уходила в декрет и срочно требовалась замена…

– Самое первое, чтобы худенькая была… и быстрая, как карандаш, – наставлял Ананьева перед отъездом Андрей Поройко, – ну, и смазливенькая, понятное дело… к нам люди ходят…

Надо отдать ему должное, Андрею… фамилию которого за ненасытность уже в общаге произносили с особенным нажимом… очень по-московски… «Паройко»… не с глаголом «рыть» таким образом соединяя, а с «пороть»… он очень хорошо, Андрей… и всегда… что попросту принципиально и профессионально… умел отделять одно от другого… работу и дебош… Поэтому и требовал худенькую и юркую… Похожую на

мальчика… Такие его не беспокоили и не возбуждали… он предпочитал и тогда, и сейчас немодных… несовременных… толстых и ленивых… похожих на холодец или же студень…

Однажды… тогда же… в юности… Поройко показал, как это должно быть… прямо на себе…

Большим и указательным пальцем слегка прижал плечо… чуть повыше локтя… мужское, тугое… все в веснушках… а потом, скользнув по рыжим точкам, быстро свел… склеил два пальца, словно кончики пинцета… оп…

– И оно прыскать должно при этом, понимаешь, Ананас… играть… сальцо…

Не стань Ананьев к университетской уже поре… и толстокожим, и бесчувственным, как носорог… его, наверное… немедленно стошнило…

Сегодня же косяком шли скуластые и плечистые… похожие на культуристок… а не на пионерок…

И только последняя… шестая кандидатка… хоть как-то соответствовала формату, заданному Поройко… Но у нее были вульгарные ногти, с изображением какого-то вьюнка в три цвета… а на больших пальцах и правой, и левой руки все это дополнялось чем-то вроде алмазика – граненой стекляшки… И такая же блестящая побрякушка… и тоже в оправе из чего-то растительно-цветочного, кухонного на шее… И все это… еще пыталось… строить глазки…

– Вы бы не могли перечислить те обязанности, которые вы исполняете сейчас… – Ананьев делал паузы… казалось, старательно подыскивал слова… но на деле просто боролся с отвращением… мешавшим ни о чем не думать… действовать сугубо механически… – обязанности, которые вы исполняете сейчас в…

– В «Альфастройресурсе», – решила прийти на помощь кадровичка… Елена Николаевна…

– Да-да…

– Самые… самые разнообразные… – многозначительно сказала кандидатка номер шесть… и не только при этом в очередной раз округлила глазки… но Ананьеву почудилось – еще и влажным кончиком языка пробежалась снизу вверх по приоткрытому колечку губ…

«Ну, только этого нам тут не хватало…» – подумал Ананьев… переглянулся с Еленой Николаевной… и, увидав в ее глазах решительность – отблески мелких потолочных лампочек, делавших глаза похожими на сито… почувствовал внезапное облегчение…

Сейчас все очень быстро закруглится… долго тянуться разговор уже не будет… затем еще пару минут они уже вдвоем с Еленой Николаевной посовещаются… согласятся, что ничего подходящего… годного для повторного собеседования с самим Поройко пока не нашлось… И все… Ананьев пойдет домой…

Откроет наконец… впервые за день свою собственную почту… Начнет, по крайней мере, с этого…

***

Поройко любил шутить, что Ананьев мог бы ходить на службу в домашних тапках и шелковой пижаме:

– Живет ловкач… у нас тут… можно сказать, за забором... Красиво устроился…

Что было справедливо в известном приближении, конечно… С учетом склонности Поройко к преувеличениям, натяжкам и прочей ерундистике… необходимой ради красного словца… Ну да… нужно иметь свободное… крылатое буквально, воображение… способность орлом парить над городом, над всеми… чтобы считать забором… простым забором… три серых корпуса БЦ «Белые сады» и необъятную громаду «Холлидей Инна».

В бурные девяностые… когда Ананьев каждую неделю летал за Урал к нефтяникам… то с голландцами, то с французами… и серо-зеленые купюры с президентами – «покойники», мать говорила… из-за портретов в кладбищенских овальных медальонах – попросту складывал в ботиночную коробку… он купил большую трехкомнатную квартиру

в старом доме… напротив клуба имени Зуева. После чего взял… и забрал маму из Колесина… со всеми ее и дедовыми книгами… безумный переезд…

Но был еще и второй… через два или три года… никак не больше… да… пока еще коробка исправно пополнялась «покойниками»… мертвыми президентами…

Лесная не пришлась по душе маме… А может быть, и сама жизнь с Юрой… таким, каким он стал… кто знает… в любом случае мама бы никогда этого не сказала… не призналась… Ни самолюбие Юры не тронула бы, не покусилась бы… ни на покой, ни на мир, что он обрел… Но совершенно точно ей не нравились масштабы… не по запросам и жильцам квадратные метры… и то, как все они содержатся чужой, приходящей женщиной…

Их много с тех пор сменилось, но тогда это была дамочка лет сорока без отчества – просто Наташа... Но главное, конечно – шум…

После Колесина… здесь у пересечения Тверской-Ямской и Бутырского вала… мама не могла спать… нормально… ни днем, ни ночью… И Ананьев в конце концов купил ей… ни двушку, ни однушку, а что-то вроде полуторки – нечто с небольшой проходной комнатой, переходящей уже просто в собачью конуру с окном – но персональную теперь… свою собственную… в брежневской уже девятиэтажке на Шаболовке… в самой глубине утопавшего в зелени квартала на Донской… там, где люди как будто бы на цыпочках ходили, а машины с одними габаритами скромно парковались задом…

А сам… сам так и остался… в огромных хоромах на Лесной… сначала одну лишнюю комнату превратил в библиотеку, а потом и вторую… картинами заполнил и вазами с искусственными цветами… неотличимыми от настоящих… подлинных…

Но вот пижамы… шелковой или х/б одежды, уместной и естественной, если отдаться безудержной фантазии Поройко… именно в сталинке… доме 1934 года постройки… у Ананьева не было… как и домашних тапочек, фетровых, войлочных или иных… схожих… времен борьбы с мещанством…

По дому Ананьев с юности любил ходить босым… в Колесине приучили… приятный холодок… бодрящие и освежающие иголочки… «прямая связь с матушкой», как говорил дед… тоже Юра… Юрий Алексеевич… имея в виду, конечно, землю…

***

Сегодня же… в понедельник… злой и усталый Ананьев никакой связи не чувствовал… ни с землей, ни с матушкой… Лишь раздражение… выведенного из привычного равновесия человека.

Он сидел на низкой банкетке в несколько тесноватой для такой большой квартиры прихожей… смотрел вглубь длинного коридора и в тысячный раз думал, что из-за чередующихся прямоугольников – светлый, там, где дверной проем комнаты – и темный, там, где глухая стенка… длинная полоса пола… напоминает пожарную лестницу…

Как она его манила в детстве… пожарная лестница… в торце родительского дома… в Чугыше… подпрыгнуть как-нибудь… схватиться за нижний пруток… и лезть потом… лезть… вверх… до самой зеленой крыши… в небо…

Сейчас же, глядя на игру теней в своей собственной квартире, Ананьев думал лишь о еде… должно быть потому, что сегодня… вот же день… даже не обедал… Перехватил какой-то ерундистики из офисных запасов… прямо у кофе-автомата… фруктово-желейные конфетки, да пару-тройку сушечек – «малютки с маком»… иначе говоря, никаким похвальным принципам ПП или же ЗОЖ прошедший день не соответствовал… выпал из положенной, нормальной череды… и пиццей его уже никак не испортить…

Пицца или лазанья – это был тот редкий вид разврата, который Ананьев себе позволял… и не чаще раза в месяц, а то и реже... обычно по субботам… со стаканчиком «примитиво» или же «неро д'авола»…

Ему казалось, что небольшая… мимолетная слабость… уступка сознательного бессознательному… лишь укрепляет первое… и стойкость характера, и непреклонность воли… И это чувство… привычная, очень комфортная мысль о том, что небольшой сбой ритма лишь сделает его сильнее и увереннее… завтра, послезавтра… на всю неделю… дали Ананьеву силы… здоровое желание встать, раздеться и позвонить в «Домино-пицца».

И хотя все вместе… и приготовление, и доставка… пекарня располагалась на той же Лесной… в двух шагах… сразу за серым с малиновым… кубом «Госстраха» и примыкающей к нему какой-то розоватой, затейливой шестиэтажки… заняли не больше двадцати минут… никакой прежней радости… отчаянных, веселых пульсов в жилах… уже не было и в помине… ни приятного предчувствия, ни опьяняющего слегка возбуждения…

Ананьев разговаривал с доставщиком точно так же, как разговаривал еще недавно… в офисе… на собеседовании… с кандидаткой номер шесть… С длинными паузами… теряя слова и мысли… Он даже попытался расплатиться не банковской картой, а картой постоянного клиента обувного салона «Бексли»… а после… исправившись… забыл дать пареньку в фирменной курточке на чай… лишь молча закрыл за ним дверь, потушил свет… и остался… так и остался в прихожей… в темноте… с плоской коробкой… гревшей положенным, сполна оплаченным теплом его руки… и испускавшей совершенно неуместный… сладкий запах салями, помидоров и базилика…

Ананьев не мог себя заставить вернуться на кухню… уютно освещенную приятным бра… где рядом с бокалом вина… прямо на столе стоял его домашний ноут… и на экране светилась папка «Спам» в почте Яндекса… Ананьев сделал чудовищную глупость… Хватило ровно пяти минут… буквально… до того, как замычал, задергался в прихожей домофон…

***

Письмо, которое Ананьеву не надо было видеть… вообще… знать о его существовании… попало в «Спам» случайно… Оно было личным и сброшено с обычного, принадлежавшего не роботу, а человеку аккаунта, но за собачкой в адресе стоял служебный домен…

Когда-то… очень давно… Ананьев пытался разнообразить жизнь артхаусными фильмами… и оказался… сам подписался ненароком… сам… на какой-то киноресурс журнала «Глюч»… потом уже, когда и Вендерс, и Джармуш ему надоели… пытался отписаться… не смог… и попросил яндекс… отправлять в спам чохом все, что сыпалось или могло прилететь с домена gluch.ru… как чувствовал… предвидел… знал… но вот… решил… и именно сегодня… глянуть… не прошел ли мимо какой-нибудь анонс Музея старого стекла… или Салона книжных редкостей… личное приглашение на предпросмотр… код скидки аукционного салона… и вместо этого… привет… polina.dolochova@gluch.ru...

И что случилось… отчего… обычный защитный механизм… воспитываемый и лелеемый годами… условный рефлекс… спокойствия гарант… главное благоприобретение… последних сорока семи лет жизни… не сработал? Достаточно же было одной темы письма… лишь этого, чтобы стереть мэйл от polina.dolochova, не глядя… не открывая…

Имя отца… полное…

Не имя-отчество, как это было… почудилось, казалось… послышалось… в субботу, когда Ананьев не отбил… не сбросил, сразу, не задумываясь, автоматически… незнакомый номер… какие-то девятки, тройки, единички… бессмыслицу… и вот она вернулась… буквально вылупилась, уставилась на него, в упор… преобразившись в буквы… жирные, черные… в три слова фирменным шрифтом «Яндекса»… округлым… ясным, чистым… без всяких финтифлюшек…

«Владимир Яковлевич Хильшейн».

Да и само письмо, которое Ананьев открыл… оторопев, опешив… собственно, текст… вывалился… заполнил экран ровной чередой правильных строк, составленных все теми же, откованными без затей и выкрутас буквами… прекрасно читаемыми и распознаваемыми… но пробежав его глазами, Ананьев как будто бы и не прочел… каким-то иным образом воспринял слова… абзац, абзац, еще абзац… не требующим грамотности «мама мыла раму»… а по-собачьи… носом, лапами, хвостом… ну, то есть кожей, спинным хребтом, подкоркой… и изумился…

Внезапно ему свалившаяся на голову polina.dolochova из журнала «Глюч»… журналистка, расследователь… пытавшаяся трижды дозвониться, но безуспешно… и вот теперь накрывшая… доставшая наконец письмом… что-то ему грузила… грузила сыну Владимира Яковлевича Хильшейна… втюхивала о драме… да-да… о драме и трагедии отца…

Других трагедий не было...

***

Ананьев очень хорошо помнил то утро. Утро без радио. Отец уехал в командировку… в областной центр… и некому было на кухне… когда еще все спят… когда все пух и сладость… включить приемник «Океан»… повернуть колесико регулировки громкости, первый щелчок которого коробочку с антенной, ручкой и шкалой диапазонов наполнял жизнью…

Отец не любил тишины… Он жить не мог без новостей… без голосов и звуков музыки… Утром ему их приносил легкий бриз УКВ… Радио «Маяк»… а вечером… как правило не из кухни, а из-за стены родительской спальни… слышался шум… приглушенный… шелест и треск коротких волн…

И вдруг ничего… лишь легкие, практически беззвучные шаги матери… сладость и пух… жаркая и всеобъемлющая… без снов уже, без форм и красок… летаргия… до самого момента, покуда лба не коснутся всегда сухие и прохладные подушечки маминых пальцев:

– Юра, вставай… собраться не успеешь… уже восьмой час…

Зато начисто выпало из памяти все то, что было в тот день в школе… рутина, надо думать… тягомотина…

Странности начались, когда, привычно сокращая путь домой, Юра пошел задами… мимо ряда темных, двухэтажных заводских бараков… тех самых, где еще оставалась… ютилась какая-то неопределенная, не распадающаяся на индивидуальные элементы масса… люди, что не были ни передовиками, ни новаторами… ни просто мастерами или особыми умельцами… так… жили… существовали от получки до получки… нужду справляли в деревянных будках на дворе… и уголь для топки… наверх таскали из сараев с названием «стайки»…

И вот как раз собравшись у этих стаек… какие-то мальчишки, совершенно незнакомые… в ушанках разномастных и разновеликих валенках… что-то кричали Юре… через улицу… с той стороны накатанной машинами и серой от сажи снежной колеи…

Ему… человеку абсолютно неприкасаемому… специальному… единственному сыну главного инженера Чугышского машиностроительного завода… вокруг цехов и труб которого возник и жил сам этот город… однажды перестал быть просто ж.-д. станцией… Чугыш у реки Чугыш… дети кухарок и чернорабочих что-то выкрикивали… громко и дружно… со смаком… слова… смысл и значение которых… буквальный… Юра не мог понять… еще не знал… но ощущал… не сомневался ни секунды… в лицо ему сначала… а потом и в спину… бросают… с каким-то особым… злобным наслаждением… что-то невиданно оскорбительное… и унижающее его… Юру Хильшейна…

Унижающее беспредельно…

***

Мама сидела в кухне, где белым было все – тумбы, шкафы и узкий, высокий пенал. Все новое… блестящее и чистое… все, как она любила. И только ножки стола, и стулья этого гэдээровского счастья отсвечивали нежно… кофе с молоком. Идиллия… в центре которой... на стуле… теплого, здорового оттенка, как кожа, едва лишь тронутая майским загаром… сидела мама… и не плакала. Не плакала… а просто повторяла:

– Ну, как же так… ну, как же так…

И больше ничего…

А рядом с ней стояла домработница… тетя Нина… апа… апа Нурия – жена дворника. В цветастом платье – морская волна от шеи и до пола, усеянная мелкими цветочками под белым, всегда отглаженным передником… с волнами крылышек на плечах… стояла и гладила… маму… по волосам… такую же неприкасаемую, как и Юра… гладила, маленькой мягкой ладошкой…

Когда же мама наконец заметила, что вот он… Юра… прямо перед ней… она схватила его за руки и, глянув блестящими, но не от слез стеклянными глазами… как будто прямо на него… но словно… при этом… так показалось… за него… сквозь него… куда-то далеко, далеко… в неведомое, непонятное… только и сказала:

– Как же ты в школу завтра пойдешь… Юра…?

– Руслан проводит… – ответила спокойно тетя Нина, – и встретит…

А после погладили по голове уже самого Юру, маленькой мягкой ладошкой, той самой, что убирала… чистила и мыла в доме Хильшейнов… варила манты и жарила беляши… а у себя в дворницкой… потом уже… вечерами… пришивала ленточки кружев… с круглыми и ровными, словно собакою прокушенными, дырочками… узкие – к белой татарской шапочке-наколке… а широкие – по нижнему краю длинного передника:

– Иди, – сказала тетя Нина… апа… – иди к себе… играй…

Никто и ничего не стал Юре объяснять в тот день… все его университеты начались назавтра…

***

Открытий было сразу два… одно ошеломительнее другого… и оба не мог не то чтобы объяснить, а попросту вместить в себя разум одиннадцатилетнего подростка… Внезапно обнаружилось, что сам Юра – жид, а отец его, Владимир Яковлевич – пидор.

Причем оба понятия… и слова… неотделимы одно от другого… неразрывны…

– Пидожид… пидожид… – кричали вслед Юре мальчишки в черных треухах… Они были злыми, легкими… их было много, и тяжелый, широкоплечий Руслан… полгода тому назад вернувшийся из армии сын тети Нины… апы… не мог их догнать… как не может догнать облако гнуса или комарья медведь… Разозлившись, он просто хватал тяжелый… с колючими зубцами… с острыми лезвиями кромки… обломок льдины и швырял в веселящуюся, танцующую стайку… и она разбегалась… Но всегда находился один, особенно ловкий и проворный, который неизвестно как… обогнув дом, сугроб… ограду бани, скверик с монументом… нырнув в белесый утренний туман, выныривал уже впереди, чтоб выкрикнуть еще раз… на новый уже манер…

– Жидопид… жидопид…

Дед Петя… Петр Павлович Ананьев… отец мамы… директор огромного машиностроительного завода в Колесине… без которого, наверное… да, совершенно точно… отец Юры никогда бы не поднялся так быстро и так высоко здесь… в Чугыше… любил повторять, что у внука… у Юры… очень красивая фамилия…

– Да, – всегда соглашалась бабушка… педант… и знаток всего на свете, – но только в ней сделана ошибка…

Услышав это впервые, Юра испугался… ему стало жутко, что те люди… по большей части неприятные… из-за того, что слушают вполуха и делают все сикось-накось… вечно писавшие в больничной справке или библиотечном формуляре… «Хильштейн»… те, в общем, которых всегда нужно было одергивать и поправлять… на самом деле были правы…

Но оказалось – нет… стыдиться нечего…

– Должно быть «Хель», а не «Хиль»…– сказала бабушка, и перешла вдруг на немецкий, – Hell Schein… ясный свет…

– Ну, вот, – расхохотался дед, – я всегда говорил… зять у нас Владимир Ясно-Солнышко…

После того, как Юре и маме пришлось исчезнуть… бежать без оглядки из города на реке Чугыш… скрыться в городе на реке Оке… дед Петя уже не вспоминал о русских былинных персонажах и именах богатырей… Но в памяти Юры они остались… как предки… родственники… прямые, непосредственные… «свет мой ясный, расскажи»…

А у отца их не было… родных… с пяти и до одиннадцати лет он рос в детдоме… И там… Вольку Хильшейна увидела однажды и полюбила учительница математики, ближайшая подруга бабушки… своих детей не имевшая… Анна Кузьминична Перелешина…

– Какие-то феноменальные способности… я в жизни не встречала сметливости подобной этой…

Полюбила… да так, что в конце концов усыновила… еще в военном сорок третьем… но при этом фамилию не тронула… не стал отец Волькой Перелешиным… так уж ценили красоту… не только дедушка и бабушка… не они одни… так получается… в наивном и доверчивом Колесине… районном центре Московской области…

«Свет наш солнышко! Ты ходишь круглый год по небу, сводишь зиму с теплою весной…»

Но, впрочем, Юра слышал и другую версию… не помнил только от кого – бабушка Анна… Анна Кузьминична Перелешина… которую он не застал на этом свете, родившись ровно через год после ее ухода… всю юность отца и молодость… до середины пятидесятых ждала, что в один прекрасный день объявятся его родители… найдутся… ведь многие же возвращались… обидеть не хотела… оскорбить… присвоить не свое… тем более, такой талант…

И если не вполне понятно было, в какой семье на самом деле рос отец… сестер Перелешиных… или же в маминой… Петра и Александры Ананьевых… то совершенно точно… сомнений не было… и не могло быть – среди самоваров, рушников, песен вечерами на даче над Окой… семейных походов за грибами после дождей… журналов «Огонек», «Роман-газета»… репродукций на стенах… «Аленушка», «Сватовство майора», «Охотники на привале»… пирожков с яйцами по будням и молочным поросенком уже на праздничном столе… на длинном, человек на сорок… в день пятидесятилетия деда Петра…

Что же говорить уже про самого Юру? Юру Хильшейна…

Но когда мир рухнул… вдруг оказалось, что стены всех кремлей... где каждый крюк и камень свой… ни красные колесинского – домашние, ананьевские… ни белые рязанского – тоже родные, вотчина Перелешиных… не могут отменить… скрыть, опоясать и проглотить… одну картонку… корочку зеленую… свидетельство о Юрином рождении… где есть графа национальность – отдельно матери… и отдельно отца…

Бумажку, что в один миг уравняла Юру… свела, поставила на одну доску… со странным, чужим и непонятным ему мальчиком… только что тезкой… Юрой Гольдфарбом… сторонящимся всех и вся… во дворе никогда не бывающим… сыном главного бухгалтера… к которому Юра Хильшейн ходил… разочек или два… в соседний подъезд… в квартиру на первом этаже… темную, задрапированную… такую непохожую на родительскую, что вся в сквозняках… ходил выпрашивать редкие… невиданные марки… маленькие, одноцветные, еще довоенные – Литва, Южная Африка, Палестина…

– Ну, сменяй, сменяй на что-нибудь… смотри какой красивый, редкий блок – «Советская АМС “Луна-9”» или вот этот… треугольничек, целых четыре марки – «10-летие советских исследований в Антарктике»…

И счастьем стало то, что смог уломать… за два больших советских блока выторговал пару южноафриканских квадратиков – голубой с цветком баобаба и салатовый с початком кукурузы… маленькие, но чистенькие, и все зубцы на месте… в отличие от палестинских, да и литовских… единственные, что были в коллекции Гольдфарба двойными…

Этого странного и непонятного ровесника… который сдавшись, уступив… вдруг вытащил из ящика стола, в котором лежали его толстые кляссеры с марками… из самого дальнего угла… еще и маленькую металлическую коробочку… открыл ее и уже из нее… извлек… черт знает зачем и почему… показал… как будто тайну… что-то сокровенное решил доверить, разделить… блестящую геометрическую фигурку… подвеску… серебряную, наверное… два наложенных один на другой равносторонних треугольника…

– Гексаграмма, – сказал Юра Хильшейн, который в математике… семейное… неплохо разбирался… сказал, а потом… подумав… еще и добавил, чтобы Гольдфарб со своими редкими и дорогими марками не слишком уж нос задирал: – Обладает, между прочим, поворотной и осевой симметрией…

***

Еще сложнее было с пидором…

Если математика давалась Юре легко, то биология не слишком. Страницы учебника, где рассказывалось о тычинках, пестиках, процессе оплодотворения цветка… не вызывали в его сердце трепета… необъяснимого, непонятного восторга… блеска глаз, притока слюны… как это происходило у некоторых чуть более развитых… продвинутых во всех отношениях его одноклассников…

Но выражение «в чем мать родила» Юра понимал… и мог хоть как-то интерпретировать… пытаться…

– Люди говорят, их так и вывели в коридор… ну, этой гостиницы… как взяли в номере… в чем мать родила… обоих… – глумливо сообщал один физрук другому… молодой Андреич… тот, что занимался с мальчиками, тому, что тренировал девочек…

– Надо было и дальше так гнать… точно в таком виде… до самого воронка… – глухо и с явным недовольством на это реагировал старый… всем всегда недовольный Штык… который, покрикивая, ворча угрюмо, девочек гонял по бревну…

– Так март же… елы… околели бы… – продолжал веселиться Андреич… Андреич, полный сил… заставлявший мальчиков держать уголок на кольцах… – или, думаешь… ты, старый, думаешь, они уже достаточно прогрели… один другого… прожарили… не кинули бы кони на морозе… голые…

Юра… дежурный… еще мгновение постоял у приоткрытой двери в тренерскую… а потом… потом развернулся и ушел… так и не взяв скакалки, обручи… и прочий необходимый сегодня инвентарь…

Голые...

В этом, действительно, было что-то невероятно постыдное... быть самому нагим и видеть чужую наготу… невольно или вольно… Юра не понимал и презирал мальчишек, которые тайком ходили… пробирались в сад железнодорожной больницы… густой, заросший, неухоженный… лезли на тополь и подглядывали… что-то пытались рассмотреть… увидеть в закрашенных наполовину окнах смотровой роддома… Но это были пентюхи… ни марок не имевшие, ни самой простой монетки… с двухвостым чешским львом… балбесы, переростки… которых колбасило поэтому от пары-тройки рисунков в школьном учебнике… каких-то пестиков, тычинок… от слова прочитанного по слогам… о-пло-до-тво-ре-ние… шалопаи… им жить не давало дурное любопытство… затяжку

украдкой сделать, лизнуть, пока никто не видит, водки… и это… хоть как-то объясняло дело… но взрослые… взрослые…

Чего им не хватало… что они могли рассматривать… искать… один у другого… один в другом… отец и его сослуживец… молодой конструктор с фамилией Иваницкий… и ночью… ночью, когда не видно ничего…

Но главное… главное… почему это преступление… и почему за это будут судить… отца и Иваницкого…

Один из недоумков… из тех, что лазили на тополь в саду железнодорожной больницы… однажды так увлекся зрелищем, что перестал держаться за сук… за ветку… или за что он там держался… и отпустил руки… упал… сломал себе хребет…

Но ему ничего за это не было… Вообще… Его даже из школы не выгнали… Он только полгода проходил в корсете…

Ну да… конечно… все над ним смеялись… это было… дразнили, изводили… точно так же, как сейчас Юру… лишь слово звучало совсем другое… но тоже, впрочем, не с очень понятным, ясным Юре смыслом…

Дрочила…

***

Если на улице, благодаря Руслану, на Юру можно было только тявкать... то в школе даже такие наскоки… издалека… очень быстро прекратил… пресек раз и навсегда… самый неожиданный из всех возможных людей на свете… одноклассник Юры по кличке Горба… Вова Горбенко…

Крупный… на полголовы повыше… как минимум… всех окружающих… неразговорчивый крепыш… с непередаваемым презрением даже не смотревший, а наблюдавший с задней парты за повседневной суетой школьного муравейника… как мог бы великан, способный за минуту все к черту развалить и разнести… стереть с лица земли всю жалкую, беспокойную кучку… но в этом карающем и молниеносном действии не видящий необходимости… текущей целесообразности…

В первый же день… когда Юра стоял посреди класса и не знал, что сказать девочке Гале… Галине Шестаковой… жидковолосой, белобрысой… с жалкими косичками, дрожащими, как голубые жилки на тонкой шее… дистрофичной дочери отцовского зама… вдруг занявшей его привычное… законное место в классе… перед доской… и дерзко, с особым неприятным вызовом разложившей уже какое-то девичье барахло на белой косой столешнице и на коричневой скамье… портфельчик, книжечки, тетрадки…

«Давай… попробуй только… тронь…».

Из дальнего угла… с камчатки… раздался голос Вовы Горбенко…

– Хиля, чего ты встал… иди сюда… иди…

И Юра повиновался… а когда подошел, то презиравший всех, плечистый двоечник… не уступавший никому ни неба, ни земли… не только показал ему на место рядом на узкой скамейке, но еще и подвинулся… как старый закадычный друг, товарищ…

– Давай, садись… все будет чики-тики…

***

А на большой перемене, когда орали все… носились, прыгали… и никого никто не слушал… не мог и не хотел… Горба положил руку на плечо Юры… ладонь… холодную и твердую, как обух… а потом, слегка встряхнув железками запястья и предплечья… негнущейся, суровой кочергой… сказал:

– Ну, чо ты нос повесил, Хиля? Ну, посадят. Ну, посидит, да выйдет… ну, как мой… Делов-то…

А потом, подумав немного… поразмышляв… добавил… при этом посмотрев на Юру не мутно… так, как на всех прочих… из-под полуприкрытых век великовозрастного разгильдяя… а неожиданно ясными, промытыми… блестящими глазами… с очень светлой небесно-голубой радужкой… как у кота, который сверху видит все… но даже ухом не поведет… не пошевелится…

– А это… ну, так все там этим занимаются… Чего без баб-то им еще там делать?

***

Когда же шли в спортзал… слегка отстав от всех… по длинному и светлому коридору с портретами на стенах… от пенсне Чехова к очкам Грибоедова… какой-то мелкий, как гриб сморчок… чернявый и белокожий шкет… из параллельного класса… его не то чтобы фамилии… ни имени, ни даже прозвища не знал Юра… катнул ему под ноги катушку с нитками… стащил, наверное, в кабинете домоводства… на третьем этаже…

Молния… тонкая черная змейка с белыми… похожими на человеческие ушками катушки… ткнулась Юре в ноги… и он… влекомый самой обыкновенной инерцией, наступил на нее…

– Жид, жид, пидожид по веревочке бежит…

Засмеялся… а вслед за ним и вся окружавшая его, довольно многочисленная гоп-компания… метальщик ниток… вертлявый и чернявый паренек…

Но все, что при этом успел заметить и запомнить Юра… глаза… одни лишь глаза… столь необыкновенно близко один к одному посаженные, что показалось – вот-вот слипнутся… и, может быть, так и случилось… сейчас же… после того, как в одно мгновение… и не тонкой, словно жилка, вытянутая из лягушки… а большой широкой тенью разрезал коридор на части уже Горба… шагнул к обидчику… так показалось… разом преодолев пять или в два раза больше метров… и поднял мелкого… буквально… над головами… как сорняк над клумбой… причем одной рукой… одной… скрутившей белую рубаху на груди…

Могло ли быть подобное? Нет… нет, конечно… Но именно так сохранила память эпизод… как сказку… чудо… красно солнышко… свет ясный…

Немного подержал в висячем положении… просвет пять сантиметров… между несвежими ботиночными каблуками и точно таким же школьным линолеумом… посмотрел из-под всегда полуприкрытых век на расширившиеся от ужаса чужие пуговки… одна прижавшаяся к другой… и слегка… несильно даже с виду… но очень, надо думать, больно стукнул… затылком и спиной о стену… сотряс слегка портрет Белинского… того… который видел хорошо и далеко…

И после этого никто уже не смел наскакивать на Юру… в школе… только смотрели на него… все до единого… будто кололи шилом… с утра и до вечера…

***

Зато полностью игнорировали учителя… Юру не спрашивали и не вызывали… Он словно перестал существовать для педагогов… Даже физрук Андреич… любивший отпускать шутки… ядреные… по поводу не слишком впечатляющих кувырков, мостиков и солнышек ученика 5-го «А» Юры Хильшейна, проглотил язык…

– Ты бы еще в калошах заявился, – сказал Андреич тому, кто что-то демонстрировал на матовой дорожке перед Юрой… не в чешках, а в кедах «Три мяча»…

– У тебя хвост там, что ли? К земле корму притягивает… прогибаться надо… прогибаться… – а это уже следующему за Юрой… а Юре ничего… ну, шлепнулся плашмя… ну, скатился с мата на холодный пол… и ладно… едем дальше…

– Петров… сколько в носу ковырять будешь? Пошел!

Но это бы и к лучшему… быть может…

Убила Юру математичка… Евдокия Васильевна… Евдоха… как ее звали за глаза все в школе… кроме Юры… ее любимчика… во всяком случае в пятых классах… и не тем, что перестала вызывать к доске… единственному месту, где став последним – соседом по парте Горбы… он все равно был первым… мог утереть нос любому… а вниманием… предусмотрительностью…

– Хильшейн, – сказала Евдокия Васильевна Юре… как-то так ловко сумев задержать после звонка, что в классе никого уже не осталось… только он – любимый ученик… и она – любимая учительница…

– Ты принеси, пожалуйста, книжку… завтра… верни мне обязательно, пожалуйста…

Речь шла о сборнике олимпиадных задач МГУ для 5–7 классов… увесистом таком… с контурами высотного здания на обложке… шпиль со звездой… который Юра видел однажды… очень близко… когда бабушка Саша возила его в Москву из Колесина… посмотреть Красную площадь и Ленинские горы… 117 километров… два часа семь минут электричкой…

И горькой была не обида – не будет ему… победителю городской и районной… областной олимпиады… не поедет он в апреле в Южносибирск… не выступит, не победит… не сможет всем напомнить, кто он и что… Юра… не сумеет… потому, что даже Евдокии… Евдохе… все уже ясно, понятно… и пересмотру не подлежит…

– Вы же в любой момент уехать можете… – сказала она Юре, – где я ее потом буду искать? Такую редкую книгу? Как восстанавливать…

***

Уехать… да… это, конечно, надо было сделать сразу… в первую же ночь… в самый ее глухой час сесть на станции Чугыш в скорый поезд… Улан-Удэ – Москва, Чита – Москва, Владивосток – Москва… сколько их проходящих… с востока на запад… и исчезнуть… в последнюю мартовскую метелицу, когда снег… посланец из царства мертвых и немых… заметает все следы… и женские, и детские… мгновенно…

Но волю парализовала вера… Они верили… дружно и не сговариваясь… верили в ошибку… и мама… и сам Юра…

Мама, потому что очень любила отца... а Юра… потому что очень любил себя... тогда… сорок с гаком лет тому назад… он, конечно, не мог это так ясно и просто сформулировать... Он только повторял, как мама… но не вслух – не разжимая губ… во сне и наяву…

– Ну, как же так… ну, как же так… – видя, что исчезает… становится тенью… которая не удлиняется, а укорачивается… вот-вот сотрется с поверхности земли… и мечтал… и не о снеге – колючем посланце из царства мертвых… а о солнце… о превращении тьмы в свет…

Он был далеким от поэзии подростком… Юра… его вселенной управляли химия и физика… в отличие от маминой, в которой солнце не было всего лишь небесным телом… раскаленным шаром из перегретого газа и плазмы… мамино солнце было человеком – телом с руками, глазами и громким смехом… Волькой Хильшейном…

Однажды летом в Колесине, когда Юра копался в книгах… что-то искал на полках в спальне дедушки и бабушки… ему попался на глаза дневник… обыкновенный школьный дневник… «ученицы 6-го класса 26-ой средней женской школы Центрального района города Колесина Ананьевой Елизаветы 1948–1949 учебный год»…

В верхнем левом углу обложки… на шершавом голубом картоне три ровных строчки… с красивым наклоном… бегут по диагонали… как посвящения на тогдашних книгах… «обрати внимание на девочку, у которой в дневнике одни пятерки»… письмо Татьяны к Онегину… 1949 год… маме двенадцатый год… отцу восемнадцатый… поженились они в пятьдесят седьмом… долго же она его добивалась… своего Вольку…

Оттого, наверное, отец всю жизнь над ней и посмеивался… и над Юрой… жуками-точильщиками… людьми, предпочитавшими все делать настойчиво и молча… но явно… не скрывая ничего… не пряча…

Простодушными…

***

По субботам… как правило… встретив Юру у школы, Руслан вел его не домой, а в техникум… на улицу Большевистскую… сын тети Нины собирался летом поступать на «Технологию машиностроения» и посещал… исправно… подготовительные курсы…

Мама на курсах не преподавала… и ждать ее приходилось лишь потому, что ее пара… мама вела английский… к приходу Руслана и Юры еще не заканчивалась…

Сын тети Нины… которому тоже надо было ждать занятий… с приходом тепла больше не шел маяться в полутемном коридоре, а оставался у турника с такими же, как он, недавними солдатами… все рано просохло в этом году… и ничего не мешало им демонстрировать… один другому… выходы силой и подъем переворотом…

А Юра… хотя и мог, оставшись один, пойти ждать маму в преподавательскую… никогда этого не делал… там уже намекали Елизавете Петровне… и очень прозрачно… что надо бы к осени подыскать работу, не связанную с преподавательской деятельностью… и не потому, что некомфортно… в шлейфе и в облаке… находиться с ней в одном коллективе… а потому, что учащиеся изведут… причем всех…

Юра шел в пустой актовый зал… где в полутьме, на сцене… мог медленно-медленно… отталкиваясь… то рукой от крышки старого фортепиано – она попискивала… то ногой от облупившихся половиц – они поскрипывали… вращаться на винтовом стуле… подниматься и опускаться… от портрета Владимира Ильича на заднике сцены к красному полотнищу, нарисованному на стене за последним рядом кресел – вверх… от белых букв на красном знамени «…лишь тогда, когда обогатишь память знанием всех ценных богатств и наук…» к массивному золоту портретной рамы – вниз…

Когда силуэт мамы возникал в проходе… между последним рядом кресел и белыми словами на красном фоне… объясняющими, как стать коммунистом… Юра чаще всего должен был спрыгивать… от слишком долгого вращения в одну сторону ноги переставали касаться пола…

***

В один из таких дней… в майскую субботу… из тени скверика перед техникумом… навстречу Юре и маме вышел человек… и нельзя было сказать… вдруг… неожиданно… он возник с такою осторожностью… и от кустов сирени шел так плавно, так медленно, как будто бы был частью послеполуденной прохлады и тишины… сквозняком, обретшим плоть… очень неброскую – маленький человек во всем черном от ботинок до воротника… и единственное, что светилось, поблескивало… это молния… металлическая молния его олимпийки, которую человек-сквозняк носил под пиджаком… вместо рубахи…

И было совершенно очевидно, что его интересует мама… а Юра… его присутствие… не кажется уместным… легкий, черный человек... в начищенных ботинках… тупоносых, ставших матовыми из-за чугышской мелкой и вездесущей пыли… приближаясь, несколько раз бросил на Юру короткий… и явно неодобрительный взгляд…

– Елизавета Петровна? – спросил он… но было очевидно, что только для порядка… он точно знает, с кем имеет дело…

– Да… – тихо сказала мама…

– У меня для вас… – человек в черной, блестящей олимпийке задумался… и не найдя подходящего слова, просто разжал ладонь… и что-то быстро показал маме…

Она подалась вперед… вскинула руку… хотела схватить мелькнувшее… но не успела… ладонь закрылась так же быстро, как и открылась…

– Пятьдесят рублей… – не сказал… скорее выдохнул… едва слышно… человек-сквозняк…

Это была едва ли не половина маминой зарплаты…

Идти домой к Юре и маме за деньгами маленький человек… похожий на аккуратную фигурку из комплекта походных шахмат… отказался…

– Я буду в шашлычной… напротив автовокзала… – он посмотрел на циферблат… – ровно через час… рекомендую не опаздывать…

Эту записку от отца… ксиву, как бы сказал Горба… Юра едва не продал… чуть было не отнес в общей пачке букинистам, уже после того, как не стало мамы… засаленная… неровные края… четвертинка листа с торопливыми карандашными строчками выпала из книжки «Анекдоты о Ходже Насреддине»… издательство «Восточная литература»… Москва… 1958… почерк идентичный тому… один в один, как тот… которым была написана дарственная на форзаце… в другое время… и в другом настроении…

«Прости, Лизок, что по грибы я ушел один, и так не вовремя. Прости, что ты любила белые, а я поганки. Прости, что никакого супа из того, что вышло, уже не сваришь. Прости, дурака. Я знаю, что забыть не сможешь, но постарайся. Ради Лили с Юрой. Они-то не простят, я это знаю, и правильно. В.»

Но как… как мама тогда поняла… и сразу… что это не только признание… но и прощание… Юра и взрослым человеком… увидев первый раз… перечитав три раза… постичь не мог… не мог, и все…

***

Мама вернулась из душной… и шумной забегаловки… пахнущая мерзостью… хватило нескольких минут в толчее у открытой кухни… чтобы тяжелый и острый дух общепита пропитал ее одежду… в жирных… мясных и сальных испарениях сгинули две капли маминых духов… «Может быть»… привычный садово-фруктовый аромат…

Ее одежда мгновенно стала чужой и неприятной… и только прикосновения так и остались… легкими и теплыми…

Предчувствуя что-то дурное… нехорошее… Юра не вышел сам в прихожую… не побежал, услышав, как щелкает ключ в замке… Он остался сидеть у стола в своей комнате… как будто задремал, склонивши голову над книгой… Жюль Верн «Двадцать тысяч лье под водой»…

« – Мы вышли на поверхность, – сказал капитан Немо».

Мама же не сказала ничего… только принесла с собой ту волну запахов, от которой стало тошно и тоскливо… Все так же молча она положила свою невесомую ладонь на Юрин затылок и начала гладить… гладить… и больше ничего… как это делала когда-то… в самый первый день… день, когда все перевернулось и сломалось… тетя Нина… апа… а Юра все не оборачивался… он боялся маминых слез… он боялся того, что станет… уже «окончательным»… и оправданию, обжалованию… не будет подлежать… никогда…

И вдруг одна… обжигающая, как острие ножа… скользнула по мочке Юриного уха… и упала на черную строчку…

«Палуба выступала из воды не больше чем на восемьдесят сантиметров»…

И тут уже… заплакал сам Юра… беззвучно вздрагивая от каждого прикосновения маминой руки…

Это собрание сочинений Жюля Верна… двенадцать томов… Государственное издательство «Художественная литература» 1954–1957 пережило все переезды… и сохранилось в библиотеке мамы… и Юра его из дома на Шаболовке вынес самым первым… сразу после того, как мамы не стало…

Отнес в дом книги «Москва» на Тверской… в гробницу со стеллажами от пола и до потолка… даже не раскрыв столь памятный ему четвертый том… не попытавшись отыскать испорченную слезами… его… и маминым… страницу…

***

А в понедельник маме на работу позвонил следователь… тот самый, что ни разу за три месяца не дал свидания… не разрешил… и сообщил, что отец повесился… в камере… за две недели до первого… и, может быть, сразу последнего… судебного заседания…

Но мама уже была готова… и не плакала… во всяком случае дома…

– Юра, – сказала она, – теперь нас только трое на этом свете… ты, я… и Лиля…

Как это могло произойти… в тюрьме, где обыски, проверки… и день, и ночь повсюду свет… Юре объяснил Горба… в очередной раз показав небесно-голубую радужку кошачьих глаз… открывшихся на парочку минут… блестящих и неподвижных… и вновь прикрытых веками… как тенью Земли совсем еще молодая Луна…

– Ночью… после отбоя… лежа… нужно просто спустить ноги со шконки… они тяжелые… да, если еще ботинки не снимать… то все получится… ноги потянут вниз…

– Ты, я… и Лиля… – сказала мама.

Глаза у нее были сухими… но губы слегка дрожали… и очень сильно руки… и поэтому мама, наверное… не стала его гладить, как накануне… а просто схватила обе ладони и сильно сжала… но даже и так… при полном напряжении всех маминых мышц… мелкие-мелкие пульсы… легчайшая волна, похожая на содроганье перьев стрижа или воробья… передавалась Юре… и он покрылся гусиной кожей… весь… от копчика и до затылка…

В университете… на третьем курсе… изучая базовую криминалистику… Юра видел много черно-белых фото в учебном пособии… и на одном – человека, все сделавшего именно так… как это описал когда-то Горба… точь-в-точь… но туман и зерна скверной печати не выдавали ни одной черты… детали… способной хоть как-то соединить мутного неизвестного с отцом…

И Юра только изумился, что в тюрьме… когда-то… могли позволять носить такие тяжелые… похожие на сталеварские ботинки…

***

В областной центр… в Южносибирск… мама уехала одна… Забрать тело и похоронить… своего… теперь уж точно Вольку…

И Юра был ей за это бесконечно благодарен… Он боялся за себя… И за маму… Просто не знал, что будет у него на лице… когда поведут прощаться… ужас, страх, печаль… или же радость…

Три или четыре дня… это не запомнилось… пока мамы не было дома… за Юрой присматривала тетя Нина… жила у Хильшейнов… днем стучала посудой и лила воду на кухне, а ночью спала на диване… в гостиной… который даже не раскладывала… при этом не храпела и не кашляла, а попискивала… как маленький домашний зверек…

Но совершенно точно это была последняя школьная неделя, и на дом ничего не задавали… поэтому после обеда Руслан и Юра играли… до самой ночи… чаще всего в морской бой или виселицу… тут они были на равных… а в шахматы… ну, пару раз… Руслан – азартный от природы, хотя и рвался в бой, но знал, по сути, лишь то, как ходят конь, тура и ферзь… и еще реже в карты… в дурака… сын тети Нины легко запоминал все сброшенные козыри… и выиграть у него было немыслимо…

Как немыслимо попросить у Горбы… чемпиона игры в ножички… охотничий складник «Белочка»… с черными пластиковыми накладками на ручке – хищное тельце с распущенным хвостом, стремительно летящее к заклепке, пригвоздившей лезвие…

Но Горба сам его дал Юре… протянул на той же неделе… счастливый ножичек-талисман… и не для того, чтобы тот мог сыграть и выиграть… а просто заточить карандаш… только-то… самый обыкновенный карандаш… «ТМ»…

– Оставь себе, – только и сказал, когда грифель стал злым… тонким и колючим, – хрен тебе такой кто-нибудь теперь купит…

***

И это было единственное, что кто-то той весной дал Юре… подарил… все остальное уже раздаривали Юра и мама… сами…

Когда мама вернулась из Южносибирска, ее пригласили на разговор… в дирекцию завода… почему-то в субботу… днем…

– Чтобы поменьше было свидетелей, – сказал Руслан.

Свидетелей чего Юра не понял… он просто ждал маму в техникуме… в актовом зале… и у него впервые не было желания крутиться на винтовом стуле у старого фортепиано… порождать скрип, шелест, легкое постукивание… обычные занятия закончились… и было так тихо, как бывает зимней ночью… когда нет ни сверчков, ни комаров, ни поздних рыбаков на мотоциклах… и Юра испугался, что сторож… чернобровый, краснолицый и хромой человек… почуяв движение на втором этаже… в пустом и полутемном зале… может подняться и открыть дверь… запустить свет в проход между последним рядом кресел и нарисованным на дальней стене красным полотнищем…

Но дверь открыла… и запустила свет мама… и у нее опять дрожали руки…

– Нас выселяют, Юра…

– Куда?

– А вот я покажу тебе… – сказала так… никогда не кричавшая, не повышавшая голос мама… что Юре показалось… он на мгновение оглох… и потерял дар речи… просто от тона, от самой интонации… и взгляда… зрачка – съевшего едва ли не все родное… голубое…

И после этого случилось действительно страшное…

Мама повела Юру к баракам… к темным рядам двухэтажных строений, за спортплощадкой Юриной школы, где жили самые злые, самые неуемные мальчишки… ходившие зимой в разновеликих… расхристанных треухах… а ныне… лето впереди… уже бритые «под бокс» – голый затылок и колкий, наглый чубчик…

– Вместо наших девяноста шести метров и четырех комнат, – голос был тот же негромкий… но с такой звенящей интонацией… что Юра улавливал лишь половину слов… – нам дают на троих восемнадцать метров… две комнаты по девять… вы же у меня разнополые… да, разнополые… в коммуналке… проще сказать, в общаге…

И мама показала на крайний… самый дальний в ряду бараков… к которому никак нельзя было подойти поближе… из-за огромной… стального цвета лужи… моря… с белыми островками – спинами пары отдыхающих свиней…

Но Юра не смотрел туда… вернее видел совсем другое… рядом – чубчики… русые, рыжие, черные… собирающиеся совсем близко… у стаек и углярок…

– Пойдем, пожалуйста… пойдем… – попросил Юра… и мама… мама послушалась…

Но оказалось, в спину… именно в спину… можно крикнуть то, что не решаешься в лицо…

– Пидожид… Пидожид…

– Что они кричат? – спросила мама… – Зачем?

– Не знаю, – честно признался Юра. – Не знаю…

И прижался лицом к шуршащей… все заглушающей… окончательно и навсегда… ткани маминого плаща… болонье…

***

Этот плащ мама оставила себе… в нем и поехала в Колесин… а Юра в коричневой плисовой курточке с глубокими внутренними карманами… куда он спрятал все, что было дорого…

Коробочка из-под монпансье со значками… и ножик «Белочка» соприкасались даже через ткань подкладки и позвякивали… и Юра просунул между ними свернутый пионерский галстук – вещь совершенно обыкновенную и… главное… ненужную на новом месте – весь размахрился…

Всю мебель и посуду… отвезли в большой… недавно открывшийся комиссионный магазин… на улице Магистральной… за Горисполкомом… они были записаны как сданные тетей Ниной… потом она несколько месяцев слала переводы маме в Колесин…

А новый холодильник «Бирюса»… и не очень новый, но исправный телевизор «Березка» ей просто подарили… и всю ту одежду, что не влезла в чемоданы…

Руслану, которому так нравились миниатюрные модельки… те, что красовались много лет в серванте… в гостиной – продукция отцовского завода… думпкар, хоппер-дозатор, простой полувагон… отдали все…

И только книги взяли с собой в новую жизнь… Габдулла – муж тети Нины… принес из гастронома в доме напротив два или три десятка коробок из-под болгарского вина… и в них все распихали… кроме двухтомника О. Генри… который мама разрешила Юре положить в чемодан… Юра бы засунул, как самое дорогое, в курточку… чтобы все время пальцем проверять – здесь… но никак не мог… физически… не вышел габаритами… ни сам… ни куртка…

Книги приехали в Колесин… через месяц или два после того, как там уже обосновались… мама, Юра, Лиля… все… машина привезла… грузовик со станции… в узком железном контейнере… «трехтонный» – сказала мама… такие ящики в рост человека… с двойными дверцами тоже, оказывается… делали на заводе у отца… и очень долго после этого коробки с наклеенными на них этикетками – золотистая с крупным медведем и надписью под ним белым по красному «Медвежья кровь» и алая с изогнутой болгаркой на фоне кувшина и гитары «Огненный танец» – стояли неразобранными в колесинской квартире на улице Степана Разина.

***

В этой квартире… счастливо… словно специально оставленной всего лишь пару месяцев тому назад… зимой… самым молодым замом деда… уехавшим с семьей на два года в Индию… строить завод в Хардваре… Юра услышал, как бабушка кричит на маму… ночью… еще до возвращения Лили… то есть, буквально… через день или два… после приезда из Чугыша…

Юру давно отправили спать… и он ничего не должен был слышать… но было душно… в настежь открытые окна влетала мошкара… гудела, жужжала и покусывала… и Юра проснулся… пытался спрятаться под простыней… весь целиком… и вдруг услышал:

– Ты дура! – ухнувшее в кухне. – Ты жизнь ему сломала… всю жизнь…

Юра не просто был ошеломлен… в его мозгу никаким образом… вообще… не могли соединиться ни слово «дура»… ни мама… ни крик… ни бабушка… но мало того… еще и какая-то… одной лишь бабушке видимая вина… мамы… в том, что случилось с отцом…

Но оказалось, говорят вовсе не об отце… а о Юре… о мальчике, который обязан был спать в дальней комнате… но проснулся…

– И что я, по-твоему, должна была сделать? – глухо отозвалась мама.

– Отправить его… первым же поездом… отправить сюда, – бабушка больше не кричала… просто рубила… отрывисто и резко…

– Посреди учебного года? Одного? – ей отвечала мама едва уже слышно…

– С проводником… немедленно… немедленно… ты понимаешь, что такое детская… подростковая психологическая травма… Дура!

Бабушка была главврачом… Колесинского городского госпиталя ветеранов… Уже много лет спустя Юра узнал, что ни дед… ни мама до самого последнего момента ей не говорили правды… Бабушка Саша не знала, за что именно арестовали ее зятя… Владимира-Красно-Солнышко… здесь, в Колесине… за три с половиной тысячи километров от Чугыша… реки и города… она полагала, что речь о каком-то несчастном случае… трагическом происшествии на производстве…

Проснувшись в чистом и прохладном воздухе июньского утра… глядя на беззвучно шевелящиеся за окном листочки высоченной дворовой березы… Юра даже не вспомнил о том, что так поразило его ночью… душной, полной звуков… многообразных… громких и тихих… отвратительных и неизбывных… во всяком случае не сразу…

Юра, как и все предыдущие дни после приезда в Колесин… открыв глаза… думал только о счастье… о счастье быть вновь там, где ничего не происходит… вообще… а кругом только свои… родные… и все поэтому вновь будет очень… очень хорошо…

Такая радость – свои… родные и всесильные… лишь она… она одна… переполняла Юру…

И в самом деле… уже через две недели у него было новое свидетельство о рождении… и новая фамилия – Ананьев… и статус – внук Петра Павловича… и Александры Георгиевны… конечно… Александры Георгиевны Ананьевой…

***

А то, что станет затем… постепенно… шаг за шагом… главной, определяющей и неотъемлемой частью его жизни – вечный страх разоблачения… обнаружилось позже… много позже… только осенью…

В новом классе соседом Юры по парте стал сын прокурора… русоволосый мальчик Алексей – обладатель сразу двух удивительных предметов… ручки-сигареты… под белой трубочкой-колпачком которой… длинной, изображавшей бумагу с табаком… пряталась маленькая, похожая на ракету головка, с торчавшим из нее носиком стрежня с шариком… писать ей было очень неудобно… а равно неудобно и другим объектом зависти окружающих – тяжеленькой и толстой, как дирижабль, ручкой с шестью разноцветными стержнями… синим, красным, черным, зеленым… а еще фиолетовым и желтым… выдвигались они… один меняя другой… металлическими бегунками, обламывающими при использовании кончики ногтей…

Но сын прокурора Алексей Неверов кичился этим бессмысленным предметом гораздо больше, чем гордился… в Чугыше… своим ножичком… универсальным и всепогодным… сын уголовника… Вова Горбенко… А еще почему-то тем, что короткие стержни в ручке-сигарете и ручке-дирижабле были взаимозаменяемыми…

И презирал он окружающих совсем не так, как Горба… не про себя… в душе и сердце… молча… а вслух, открыто… и особенно почему-то еще одного новенького… Мишу Рейтблата…

– Рейтблядь, – отзывался он сальным шепотком… эхом… всякий раз, когда звучало «Рейтблат, к доске»…

Сначала это смешило Юру… а потом стало раздражать… но он не задавал Неверову вопросов… что-то подсказывало… чем меньше разговариваешь… вообще… и уже тем более с сыном прокурора, тем лучше… и даже если статус внука Петра Ананьева и давал право сказать:

– Ну, хватит уже…

Юре казалось, что так спокойнее… и безопаснее… не привлекать внимание… не лезть на рожон… даже для внука Петра Ананьева… молчать… рассматривать пятна и трещины… на стенах и на потолке… похожие на контуры морей и островов… или слонов

и носорогов… и он не ошибся… пуля… когда действительно раздался выстрел… просвистела мимо…

– А ты знаешь… – как-то дыхнул ему уже прямо в ухо Неверов… после того, как с наслаждением выронил очередную «блядь», – а ты знаешь, что у него отец попался на мужеложестве…

– На чем?

– Ну, пидорас он…

– Откуда ты это знаешь?

– Папан рассказывал мамане… на даче… в беседке… у одного из новеньких… ты понял… в нашем классе… отец повесился…

– Но их же… – едва не сказал Юра «нас», – их же трое… новеньких? Как ты тогда… как ты…

– А просто, – недослушал Неверов, – Рейтблат – единственный из всех еврей… жидок… папан так и сказал… жидок…

***

По счастью пара – Неверов и Рейтблат – не слишком долго пугала Юру опасной близостью… Отца Неверова быстро повысили – перевели в Москву… едва ли не сразу после ноябрьских праздников… А Рейтблата так замучала астма… в цветочном… полном запахов кваса и сдобы Колесине… что мать – стоматолог… увезла его после шестого класса… летом… куда-то поближе к Эльбрусу и Минеральным Водам…

И он опять где-то стал новеньким… а Юра превратился в «старенького»… и соседкой его по парте давно уже была девочка – заносчивая отличница… но все же медленнее Юры и не всегда правильно… решавшая логические и математические задачи… Надя Шестакова…

***

Но молчание… сторона… моя хата… своя рубашка… в любом противоборстве, споре… просто дискуссии не всегда выручали… и так бывало, что приходилось просто врать…

В университете скользкая личность с неприятными, лисьими манерами… и водевильной фамилией Муз***ы***ка… читавшая брачное, семейное и опекунское право… очень любила отклоняться… уходить в дебри судебной практики, увлажняющей его глаза и губы… касающейся половых преступлений…

И не могла… конечно… пройти мимо статьи 121 УК РСФСР… тем более что подвернулся свежий случай… пример… какой-то известный… то ли кинокритик… то ли режиссер… был осужден… где-то на юге… на Украине…

– Что очень характерно для этой среды… художественной, – сказал Муз***ы***ка с каким-то особым распевом… гадливым… произнеся это «удо»… ху-у-доо-же-ственной… как будто ширинку при этом… незаметно… за кафедрой из старого… мореного дерева… то расстегивал, то застегивал…

– Но есть и примечательные исключения из этого правила, – оратор бросил сладко жмуриться, подмигивать и просто округлил глаза – факт очень уже удивительный, – где-то в Сибири… как-то на этом деле прихватили не кого-нибудь… а директора литейного завода… ну, или чего-то в этом роде… с железом связанного… с чугуном… ничего, то есть, особо свободного и творческого… ху-у-доо-же-ственного…

– Вы, кстати, Ананьев… – Музы́ка неожиданно обратился к Юре… сидевшему… привычка… в первом ряду, – не слышали об этом случае? Вы же откуда-то оттуда… из Чумыша… или Чужиша… как правильно, не помню…

«Чугыш» – чуть было не сказал Юра… но спохватился… – Нет-нет, я из Колесина… в Сибири я только родился… моя мама туда попала… ненадолго… по распределению…

***

Мурашки того дня… жар крови, ударившей в виски… лед иголочек, проткнувших кончики пальцев… все это… впоследствии и навеки связалось в сознании Ананьева с блаженным чувством облегчения… освобождения… с голубовато-серой стеной университетского холла и фотопортретом на ней… черно-белым… с траурной ленточкой, подрезающей правый нижний уголок…

«Коллектив… с глубокой скорбью… Музыка… Иван Ермолаевич… скоропостижно… 1932–1979…»

За десять дней до начала зачетной недели… до неизбежной встречи с глазу на глаз… Господь прибрал…

И почему-то это именно исчезновение стало более важным и значимым для Юры, чем исчезновение отца. Что было… таким же своевременным… но не осознанным еще… тогда… в одиннадцать лет… как часть цепи забвения… спасительной необратимости превращения Хильшейна в Ананьева… Бабушка… врач… говорила о травме… а травму лечат хирурги… когда они наконец отрежут все лишнее… и всех лишних… Юра станет твердым и круглым, как бильярдный шар… и всякое его столкновение с другими шарами – абсолютно упругим… сила любого действия – в точности равна силе противодействия… встретились – разбежались… и все…

Ведь того, о чем никто не помнит… никогда и не было… а значит… и не будет… никогда…

***

Но были в жизни Ананьева и не опасные свидетели... и связи… Поройко, например... он знал, что у Юры была Аня... из-за нее, собственно… по прихоти с ней связанного случая… и был он когда-то прозван… Ананасом…

После второго курса… осенью… на две или три недели… вся университетская группа Ананьева отправилась в колхоз… станция Фруктовая… полчаса езды до Колесина… до дома… квартиры на улице Василия Зайцева… которую мать получила, уже став директором педагогического училища… две комнаты… одна… с шелковой ширмой – мамы и Лили… а вторая… с книжными стеллажами до потолка – Юрина… собственная… как там хорошо лежалось на диванчике… в уголке… в одиночестве… много лучше, чем в общей комнате на двадцать кроватей, что досталось группе Ананьева… во Фруктовке… в бывшем санатории… в зеленой роще… в барской усадьбе над Окой…

Не меньше кроватей было и в классах давно закрытой школы… с окнами, смотревшими на рельсы… вечно вибрирующие… звенящие… Московско-Казанской железной дороги… Здесь… между водонапорной башней и платформой станции Фруктовая жили историки с филологами… и среди них толстушка… кругленькая, гладенькая – оживший снеговичок… Марина Белопуд… которую глазастый и никогда не унывающий Поройко тотчас же и заприметил в общей столовой…

– Смотри, какой помпончик… – радостно пророкотал он в ухо Ананьеву, – мякиш какой под пиво с водочкой… зяблик…

Но обернулась и посмотрела в этот момент… туда… в самый конец очереди к стойке раздачи… длинной… к которой только что пристроились Поройко и Ананьев… не девушка, составленная, словно снеговичок, из трех разновеликих колобков – голова, грудь, попа… на рокот Поройко… едва ли слышимый и различимый… отозвалась ее товарка – полная противоположность… маленькая, изящная соседка… похожая на перевернутую рюмочку…

И показалась Ананьеву… остановила взгляд… не на бесстыдном Поройко… с его мякишами и зябликами… а на нем… на молчаливом Юре… внимательно и не без интереса изучила… очень хорошими… похожими на материнские глазами…

И это была Аня... Анна Ксенофонтова…

***

Все эти имена… фамилии… он узнал потом… может быть через неделю… или через месяц… а тогда… сразу… только то, что «пиво и водочка» – это фигуры речи…

– Скидываться будешь? – спросил Поройко… и оказалось, что не на желтое или бесцветное… а на напиток зеленоватого… яблочного оттенка – «Алазанская долина»… бутылки по 0,7 предпочел Андрей всем прочим в широком… неожиданно… ассортименте сельпо Фруктовки…

Ананьева впервые… за целый год совместной учебы… приглашали на гулянку… и не кто-нибудь… а легендарный Андрей… Андрей «Паройко»… сам…

Что их объединяло до сих пор… двух однокурсников и одногруппников… да, ничего… кроме пятерок… «отлично», «отлично» и еще раз «отлично» в зачетных книжках… и вдруг… такое вот доверие…

Ананьев… конечно… сразу полез в кошелек… вытащил рубль или же два… он был в общении очень легким человеком… никогда ни с кем не спорил… не возражал… но столь же привычно… автоматически… немедленно за этим… откупившись… он начал думать… прикидывать, как не пойти… так увильнуть, чтоб не обидеть… чтоб получилось все само собой… естественно…

– Ты же, дорогой товарищ, из Колесина? – остановил после работы Ананьева… у самой столовой… на мягкой извилистой тропинке… бегущей вверх от толстых плах причала переправы… ассистент кафедры истории государства и права… старший студенческого заезда Григорий Игоревич Рыбников. – Родился там? Все ходы и выходы в Колесине наизусть знаешь… можешь привезти… этот… ваш знаменитый торт… «Кремлевский»… для очень хорошего человека надо…

– Могу, но это только завтра… только утром можно… рано утром его купить… сразу после открытия… – еще не веря своему счастью, краснея, слегка заикаясь проговорил Ананьев, – его в кулинарии делают… в кулинарии ресторана «Советский»… на проспекте Ленина…

– Ну, и отлично. Утром, значит, утром. Можешь переночевать дома, Ананьев. Я тебя отпускаю.

– Ты что, боишься баб? – только и сказал Поройко, узнав о происшествии… долго смотрел с какой-то странной смесью… изумления и чего-то… навроде участия… с примесью легкой… незлой, приятельской иронии… прямо в лицо… прямо в глаза… и наконец прибавил:

– Грешно… нет… грешно с твоей-то внешностью… Ананьев… когда на свете столько зябликов… прыг-скок… прыг-скок…

***

От отца Ананьев унаследовал только волосы… густые, с черной, бесовской волной… буйные… Все остальное у него было от мамы… аккуратное… розовая, очень гладкая кожа… тонкие черты лица, узкие плечи, красивые, ловкие пальцы и глаза… зеленые, с множеством золотых… нежно мерцающих звездочек… сбегавшихся в солнечный ореол у зрачка…

Ему часто говорили, что он красив… и должен иметь успех… и это пугало Юру… Успех – рождает интерес, внимание… неизбежно… желание во все засунуть нос…

Но странным образом внезапное внимание Поройко… приязнь… нечто необъяснимое… похожее на подлинное… возникшее внезапно… приятельское желание покровительствовать… никаким интересом… лишним любопытством не сопровождалось…

Наверное, это от самоуверенности… от ощущения… врожденного… того… что он… Андрей Поройко и так все знает… и всех видит насквозь…

– Ну, что, Ананас, – сказал Поройко… когда пошла очередная складчина… через денек или же два… после внезапного броска в Колесин… так его развеселившего, – вкупайся, вариантов нет…

– Конечно… я как все… – проговорил Ананьев… в очередной раз доставая рубль, – а Ананас… это к чему…

– К тому… – оскалился Поройко, – что ты разок уже на нас забил… и, кстати, не впервой… а вот на них… на девочек… не сможешь… ты же джентльмен, Ананьев… джентльмен? … Короче… персональный на тебя запрос поступил, братишка… заява… поздравляю…

– Вот так? – сказал Ананьев… в душе… скорее польщенный, чем обиженный… Такой вариант был лучше… чем замена в его фамилии начальной «а» на «о»… что тоже порой происходило… правда… еще ни разу в университете… – Ну, хорошо… побуду фруктом… во Фруктовке… если такое решение коллектива…

В ответ Поройко лишь рассмеялся… понравился ответ… ну, а потом… хитро прищурив гнусный… блестящий глаз, спросил:

– Догадываешься, от кого заява… Ананас?

– Думаю, да… – кивнул Ананьев, – могу предположить…

***

Если судить по тому, с каким смаком… с утра… у рукомойника… Поройко напевал:

– Все выше, и выше, и выше… На жопе растут волоса… – дела у него на фронте мякишей и зябликов шли замечательно…

Ананьева же… первый вопрос девушки Ани… наедине… чуть не убил:

– Как чуб у Морица… – сначала сказала она… глядя, как из синих облаков… над черной Окой… высовывается клюв молодой луны… и вдруг продолжила… без всякой видимой связи… – а ты... на кого похож… на папу или на маму?

– На маму… – выронил Юра… сам поразившись такой своей… необъяснимой… открытости и откровенности… и тут же… закрылся… сам быстро задав вопрос: – А кто такой Мориц?

– Макс и Мориц? Два дурачка немецких из книжки Вильгельма Буша…

– Вильгельма Буша? А… понял… – проговорил Ананьев… обрадованно… потому, что внезапно его счастливо озарило… вспомнил – зеленый… военно-полевой фон… цвет хаки… надписи – «Wilhelm Busch»… «Deutsche Bundespost» … крупная цифра «10»… и две фигурки… белые тени с хохолками… – У меня есть такая марка… действительно… похоже на ночные тени… с рожками…

– Ты марки коллекционируешь? Как интересно…

– В детстве… сто лет тому назад… просто остались… на память…

– А у меня на память руки от отца… можешь себе представить… один в один, как слепок… – сказала Аня. – Это он меня заставлял учить немецкий по книжке Буша… толстая такая… с картинками…

Толстая… с картинками… Ананьева охватил ужас… от одной мысли о том… что он должен был бы чувствовать… и как жить… если бы его самого… судьба одарила… подобным «слепком»… один в один… и этим слепком он должен был бы ко всему прикасаться… и прежде всего к своему… собственному телу…

Много лет спустя… перед неизбежным уже расставанием… перед свадьбой… Ананьев подарил эту марку Ане… и парную к ней – просто Буш… рисунок… автопортрет в шляпе… на красном кисельном фоне… и цифра «20»…

Год выпуска… согласно каталогу… год рождения Лили… сестры – 1958…

***

Этими же руками… сам Юра… не мог обнаружить в них ничего мужского… мягкие, нежные… ну, разве что не сужающиеся к безглазым мордочкам ногтей… а цилиндрические… геометрически правильные… розовые колбаски… с ногтями… что на указательном, что на среднем, что на мизинце… как будто бы одного размера… Аня добивалась того, чего ни до нее… ни после… не мог никто…

Чуть-чуть, быть может, коротковатыми… но очень уверенными пальцами… какой-то ее одногруппник… мастер читать Мопассана в подлиннике… сказал однажды… «руки французской крестьянки»… у нее получалось то, что не выходило ни у кого…

Бесплотную и невесомую часть тела… Ананьева… превращать в нечто вполне вещественное… пружинку, гирьку, маятник…

Может быть, так потому… что, если ей именно этого хотелось… то никаких длинных предисловий, введений, пояснений и прочего всего… слов… заставлявших Ананьева всегда быть начеку… держать все под контролем… не было… эффект удара молнией – Аня просто опрокидывала Ананьева… дыханье перекрывала… губами, заклеив губы… и все… что было дальше, он редко помнил ясно… и никогда… никогда ни он… ни Аня… эти приступы… провалы черт знает куда… не обсуждали… то есть и послесловий не было, заметок на полях… сносок или комментариев… исчезновение – предел мечтаний… мысленный идеал – того, о чем никто не говорит… о чем не помнит… не было… не было вовсе – счастье…

Но даже и так… со всей молниеносностью… и безмолвием… с которым просыпалось в Ане нечто… способное ловить врасплох Ананьева… отключать электричество… и днем, и ночью питавшее его корку и подкорку… нюх, чутье… ей никогда не удавалось… ну, или, быть может, только раз или два… ну, или три… за всю их долгую… едва ли не целое десятилетие обнявшую… общую… так и не соединившуюся в одну… жизнь… его раздеть… совсем… донага…

И это была не только печать однажды услышанного… отвратительного выражения… «в чем мать родила»… синонима постыдного предела… чего-то… уже ничем… никак не поправимого… проклятия…

«В чем мать родила» – буквально… само по себе… означало разоблачение… и страх… каталептический и иррациональный этого… не отключаемый ничем… даже руками и губами Ани… как будто бы и в самом деле что-то можно было узнать… открыть, понять и вычислить… ненужное, запретное… интимное… по форме пупа, соска, ключицы… ну, или же их взаимного расположения…

***

А еще Ане… такой же, как и он сам… Ананьев… книжному жуку… бумажному червю… не удалось привить ему интерес к стихам… хотя, конечно… то, что она любила… строки… лишенные столь неприятной Ананьеву… романтики и лирики… были, наверное… близки и понятны… созвучны его точному, математическому уму…

Вошедший был латыш в пальто реглан
С лицом простым, как дуло Кольта
Интеллигенция сидела по углам,
Ругая Мейерхольда.

Самые старые книги… в библиотеке мамы… те, что уехали в Колесин… были помечены серединой… концом пятидесятых…1956…1957… а в доме Ани обнаруживались желтые страницы… двадцатых и тридцатых… Владимир Луговской. Мое поколение. Мускул. Страдания моих друзей (Избранные стихи) Москва 1932 Издательство «Федерация»…

Хозяйка: тридцать лет, фокстрот,
Обилье форм, однако стиль и профиль.
У каждого был перекошен рот
На водку, шпроты и гуся с картофелем.

Что-то было в этих мертвых стихах... архаикой… оторванностью от реального… напоминавших теоремы геометрии… музыку холодной… вневременной… логики…

Ананьев не знал, кто такой «Мейерхольд»… и почему вошел именно «латыш»… но «фокстрот» и «перекошен рот»… связывались так же четко и красиво… как углы Пифагоровых треугольников – абстрактные штаны… в отвлеченном мире… умозрительной красоты и воображаемого совершенства…

Но всякое соприкосновение со стихами живыми… с рифмами и образами дня… вызывало у Ананьева отвращение… желание не слышать это… и не видеть… больше никогда…

Как-то в доме Марины Белопуд… с которой к тому времени давно уже расстался… Андрей Поройко… несмотря на все удобства – квартира на Вернадского… рядом с общагой… но слишком уж много было зябликов вокруг… и мякишей… под Новый год… сам собой затеялся квартирник… стихи читали университетские… и плюс еще какие-то… совсем посторонние люди… как потом выяснилось… из Литинститута…

И вот один из них… плюгавый, небритый, с конской гривой… вскочил… и даже так… едва возвысившись над шеями бутылок… которыми был щедро уставлен стол… во всяком случае… с низкого диванчика… Ананьеву… он ничем иным не виделся – лишь только нелепым продолжением коньячного коричневого горлышка… с непринужденной бойкостью тролля… сверчка из кукольного мультфильма… принялся декламировать:

Хуй во французском женского рода,
А жопа – рода мужского,
Что во что вводят, не знает никто
У этого, блядь, народа.

– Что это? К чему? – спросил Ананьев Аню… сидевшую рядом… тесно прижатую к нему… на узком и низком диванчике…

– Ну, просто… смешная игра слов – la bite… le cul…

Острое чувство омерзения… табу… на обсуждение… всего… имеющего хоть какое-то отношение… к телесному… любым функциям и потребностям, с ним связанным… вопроса… вполне, казалось бы, естественного… а что есть что… просто не допускало…

Ананьев лишь спросил… где сегодня ночует Аня… здесь… у Машки… или у себя на Петровке… и не надо ли ее… в таком случае… проводить…

Поразительно то… что много лет спустя… этот же самый мелкий… волосатый тип… вновь… уже сам… пытался Ананьеву что-то говорить о сальном… опять… о каких-то словах французского языка…

***

И всякий раз… видя Аню… ждущей его… Ананьева… после пары… в высоких югославских сапогах… скрестив ноги ножничками… в полумраке университетского коридора… он думал… знал, что ему повезло…

И все так думали… И вопросы «ну, когда»… «когда же уже наконец»… висели в воздухе… как мелкая пыль… в конусах солнечного света… перед доской в поточной аудитории… но медленно-медленно… постепенно… оседали… на истоптанный линолеум… на полукруглые носы… липли, как соль на каблуки… ботинок «Саламандер»… цвета красного дерева… из дедовского московского спецраспределителя…

Белый… академический гнус… от которого лишь кашель… раздражение глаз… да аллергия… довольно скоро… через год, может быть… или же два… стало понятно – едва ли… сомнительно… вряд ли… во всяком случае… Юре и Ане…

***

Она… дочь секретаря иверского обкома партии… зама по идеологии… в общаге не жила ни дня… в ее распоряжении оказалась комната с видом во двор… в огромной и мрачной коммуналке на Петровке… однажды Аня рассказывала какую-то историю о маминой сестре… в следующий раз это были дедушка с бабушкой… одно другого, впрочем, никак не исключало… но и значения не имело для Ананьева… который ничего и никогда сам не пытался выяснить – долг платежом красен… а он… никому и ничего не хотел быть должен… вообще… и уже тем более… если рассчитываться надо было… прямодушием и откровенностью….

И в этой комнате… с вечно задраенным окном… из-за непереносимой… сладковатой вони… мусорных баков в дворе… сбившихся в один неровный ряд… и гастронома, и столовой… Ананьев старался не бывать… и Аня никогда не позволяла себе ничего… если такое вдруг случалось – страшилась соседей… анонимки в Иверск… звонка родителям…

И очень редко… летом… во время работы в приемке… когда огромная квартира… стоухая, стоглазая… Бог знает отчего… казалось, вымирала… Аня и Юра теряли голову… может быть… пару раз всего… за все время учебы… но один из них надолго… буквально… врезался в память Ананьева…

Ванна в квартире была частью кухни… и чтобы вымыться, надо было набросить крюк на двери… перекрыв разом не только путь к чудовищной… словно из крематория плите… но и к уборной… смежной с кухней – этому нечеловеческому многоугольнику… с трубами по стенам, проводами… но без окон…

Сначала долго не нагревалась вода… потом Ананьев никак не мог промыть волосы… потом стал отстирывать пятна… неизвестно как посаженные на рубашку… и еще пришлось подтирать все, что налилось на пол… но в конце концов ночь… третий час… пятнадцать минут занял процесс или все сорок пять… какая разница… но только откинув крюк… и распахнув дверь в коридор… свежий, умытый, удовлетворенный… Ананьев увидел мальчика…

Лет пяти… одного… в темном коридоре… стоявшего там… молча, терпеливо… неизвестно сколько… и маленькую лужицу у его ног…

***

А может быть и не было… лужицы… но совершенно точно… было потрясение… шок…

Мальчик беззвучно проскользнул мимо Ананьева… туда… в кухню, лишенную окна… в уборную… холодную и голую… как одиночка… сырая… тараканья камера в тюрьме… а Юра… словно автомат… по длинному темному коридору с двумя загибами… все в этой квартире было ненормальным… и противоестественным… зашагал к Ане…

В тот момент… он думал с ужасом, что никогда не забудет эту сцену… маленького… покорного судьбе… немого мальчика… перед закрытой дверью… абсолютно беззащитного… и всеми… всеми оставленного…

И кажется… тогда… в тот миг… Юра способен был на безумие… на откровенный разговор… на плач… на дикие признания… но на его счастье… Аня уже спала… как обычно… подсунув обе ладошки под щеку… детский сад…

Утром, когда Ананьев провожал ее на Ленинградский… на ранний поезд в Иверск… те же два часа с хвостиком, что и до Колесина… только в другую сторону… на запад, а не на восток… но, впрочем… уже за границей Московской области… он рассказал ей о ночном происшествии…

– Откуда… как… в квартире, где ни звука… мертвое царство… никого… – и после… с легким… едва скрываемым смущением… – Как думаешь… он будет это помнить… ну, я… как это говорят врачи… нечаянно… не травмировал его… детскую психику…

Ответная реакция была ошеломляющей… немного помолчав… поразмышляв о чем-то… Аня сказала:

– Ты знаешь, Юра… мои родители, наверно, никогда тебя не примут…

– А это… это почему?

– Да, потому… что есть в тебе что-то еврейское… помимо твоих лохм… конечно… когда нестриженные… какая-то не знаю… сверхчувствительность… И будут они копать… копать… копать… до бесконечности… достанут…

***

И в тот же день… Юра подстригся… и никогда больше длиннее двух сантиметров у него не было волос… черных кудрей… к великой радости… деда и бабушки… Ананьевых… лишь мама сказала:

– Зря… было красиво…

И это потому, конечно, что она не умела… так и не научилась забывать… хотя и старалась… как могла… а Юра… он должен… и как выяснилось… вдруг… не только то, что сделано другими… но и то, что он натворил сам… вольно или невольно… и без этого он никогда не станет твердым и круглым, как бильярдный шар… и всякое его столкновение с другими шарами на бесконечном… и многоцветном сукне жизни – не станет абсолютно упругим… встретились – разбежались… и точка… все…

Нет, если всегда… вечно… будет у него перед глазами стоять… вот этот мальчик, например…

Лет пяти… в темном коридоре… совершенно один…

***

И все равно они пытались жить вместе… и жили почти год… сразу после окончания универа… и даже съездили в отпуск… вдвоем… в Псков и Пушкинские Горы…

Последнее… что дед Петр для Юры сделал – устроил… младшим юрисконсультом… в «Союзнефтепоставку»… всесоюзное хозрасчетное объединение… ВХО…

Это сокращение – сочетание трех букв… «В»… «Х»… и «О»… очень смешило Аню… и она спрашивала, где буква «Д»… и говорила по утрам:

– Ну, что… поехал в хо…

И это… не казалось Ананьеву совсем невинной игрой в слова… не нравилось двусмысленностью… душком не нужного… и сального… который он так не любил… и от которого всегда и всеми способами пытался увернуться… спрятаться…

Но появились деньги… первые настоящие деньги… дед оказался прав… когда после десятого класса напрочь отмел… нежно любимое… математику…

– Да, это обочина… Юре не в самого себя надо углубляться… а жить нормальной жизнью общества… и не в нищете…

Нищета… и в самом деле… не грозила… Ананьев легко и быстро снял двушку… у сестры своего же… нового коллеги… квартиру в Проектируемом проезде… с балконом… лоджией, выходившей на Ленинский проспект… двадцать второй этаж – красивый вид… и радуга после дождя… там, где на севере… звезда и шпиль университета…

С ней Аня не рассталась… у отличницы оказался прямой путь – аспирантура…

И тут уже позволял себе шутить Ананьев… без Аниного изящества, конечно… и двусмысленности… но все-таки…

– Разбогатеем… купим тебе вертолет… будешь летать… прямо на свет звезды… по Мая-ГУ…

– На… на маяк… – флегматично отвечала Аня… поскольку и ему… Ананьеву… все прощалось…

***

Тяжело было только находить след помады на чашках…

Иногда… очень редко… в будни… Ананьев мог вернуться домой раньше Ани… но чаще… это случалось, когда она уносилась вне плана… в субботу утром… в университет…

И он… проснувшись… босой и счастливый… жмурясь, потягиваясь… еще неся в себе… остатки невнятицы сна… стремительно разбегающиеся… исчезающие… как ночной… летний туман над Окой… заходил в кухню… и там… натыкался на чашку…

И половинку конфеты… «Цитрон»… или «Коровка»… иногда снова завернутую… быстро-быстро… в ставший похожим от этого на штанину калеки фантик… но… это редко… как правило брошенную… второпях перекушенную пополам… и оставленную на блестящей фольге… на солнышке… преть…

А рядом чашка… белая… с алым… кровавым полумесяцем...

Немного сладенького… на дорогу… и глоточек водички – то ли заговор… то ли оберег…

«От чего? – думал Ананьев, – очень аккуратному и чистоплотному человеку… не претит… вот так вот… взять и наследить… открыть… оставить после себя нечто такое, что можно и нужно спрятать… немедленно удалить… что-то непристойно откровенное и отчаянно непристойное… как свежая рана…»

И сам… не вычистив даже зубы… он начинал удалять эту искусственную… кинематографическую кровь… с белого фарфора… тер губкой… смывал на три раза водой… и в голову при этом… сами по себе… лезли дурацкие… абсолютно не субботние мысли и образы…

Например, Андрей Поройко… профессорский сын… но манерам учившийся… или же успешно переученный… отцовским шофером в гараже… или… может быть… молочницей мамаши на скотном дворе… имевший… среди прочих… чудовищную привычку… после еды… полоскать зубы и десны… тем же чаем… который пил…

Теплую воду гонять… от щеки к щеке… от правых моляров к левым… и обратно… не открывая рта…

Но с Андреем… тогда… в начале восьмидесятых… Ананьев не собирался… и не думал… иметь какие-то еще дела… как-то соприкасаться… тем более… связывать жизнь….

Вот с Аней… получается… что все же надеялся…

***

Ничего более нелепого… и глупого… чем совместная поездка в составе случайной тургруппы в Псков и Пушкинские Горы… невозможно было и представить…

Отрыжка… студенческой поры… времен тотальной зависимости и несамостоятельности… когда месяц летом… дома… со своими… был обязательным… а потом… у Ани… таким же обязательным продолжением… экскурсия или поход… за тридцать процентов стоимости… с полным профсоюзным пансионом… выбранные ее отцом…

– Да… ты знаешь… – сказала Аня… когда они сидели воскресным полднем в кухне… за маленьким столиком у окна… и Ананьев снимал чайник с плиты… просто протягивая в его сторону руку… не поднимаясь с табуретки. – Он опять сам… распорядился…

– Отец?

– Да… осчастливил, как пионерку… льготной путевкой… на август… в Пушкинские Горы…

– Это… где без божества, без вдохновенья…

– Ага… оно… без жизни, без любви...

За окном… там, где Проектируемый проезд утыкался в улицу Обручева… медленно рос хвостик из разноцветных автомобильчиков… один… два… три… никто не спешил выпускать… любителей поспать… из внутридворового проезда на главную дорогу…

Неделю… или две тому назад… здесь же… в маленькой… уютной кухне… с видом на весь окружающий мир… Ананьев с Аней рассматривали проспект… БМТ «Спутник»… приглядывались к поездке в Польшу… десять дней… Варшава, Познань и молодежный лагерь в Свиноуйсьце… Свиноустье…

– Какое смешное название… я думал… это на Кубе… залив Свиней…

– Да… надо смотреть в оба… скажут, что Польша… а увезут в Гавану…

Шутили… дурачились… мечтали… и вот… такое «здравствуйте»…

Между тем за окном… там… где внизу лежало свое… вполне безымянное… асфальтовое устье… внезапно очистилось все… и Проектируемый проезд и сама улица Обручева… никого…

– А хочешь… я поеду с тобой?

– А как?

– Ну, есть же в Москве какие-то… не знаю… бюро реализации путевок… пойду и найду… твой маршрут… на те же даты…

Ну, и нашел… на Новой-Басманной… и купил… за полную стоимость…

***

И символом сделанной глупости стали сапоги. И не те, что Аня видела когда-то… в каком-то литературном музее… сшитые писателем Толстым поэту Фету…

– Идейный вдохновитель «Скорохода»… ну, гадость… навроде «Филипка»…

А настоящие… красавцы… хромовые… увенчанные аккуратно расправленными… как видно, для просушки… на раструбах офицерских голенищ… портянками…

Соседом по купе… куда ворвались… отпускники… за две минуты до отправления поезда Москва – Псков… оказался… капитан-десантник…

Похоже было… он, как и Аня с Юрой… надеялся пространство ни с кем не делить… ехать в счастливом одиночестве… со своим безукоризненным хромом… и потому поставил прямо в проходе… на самом видном месте… чтобы отбрасывал блики… как маяк… от каждого железнодорожного фонаря, мелькающего за окном…

И все, что за этим последовало… стало одной… непрерывной цепочкой… неоправдавшихся надежд…

Капитан… страшно смущенный… словно врасплох захваченный любовник… быстро убрал и кожу… и портянки… под полку… и спать завалился сразу… как только колеса застучали и уже можно было погасить свет… но казарму… и общий строй с собой… в утреннюю свежесть Пскова … на завтра… не унес…

Жить надо было порознь… в огромных комнатах профсоюзных турбаз… с четырьмя… шестью… а то и сразу десятью койками в каждой… и ходить… гусиным строем… или бараньим стадом… но всегда толпой:

– Ах, мост там… посмотри… ах, уточки… настоящие… ах, липа… целая аллея… им правда… правда, больше ста лет… ну, надо же…

– Какая непередаваемая лажа, – только и сказала Аня, узнав, что дом… усадьба… благоговейно ныне сберегаемая… дотла сгорела… задолго до начала какой-либо музеефикации… причем дважды…

И только часы в автобусе… в высоком туристическом «Икарусе»… были недолгим временем хоть какого-то уединения… никто не претендовал на кресла в хвосте… несколько задних рядов… на запах старой пыли, въевшийся в плюш сидений… и капли дождя… свежие… блестящие… на стеклах…

Резекне… Виляны… Лиелварде… – долгие шесть или семь часов смены лесов, полей и рек… движения из Пушкинских Гор в Ригу… конечную точку… общеразвивающего… познавательного маршрута…

– Как будто во Фруктовку съездили… – сказала Аня.

– Только работать никто не заставлял… за ужин и обед… – усмехнулся Ананьев.

– Ну, это потому, что те сапоги… ботфорты… кто-то до нас уже начистил… денщик или вестовой… не знаю…

Ананьев просто рассмеялся… сам бы он так пошутить не смог…

***

Ровно через неделю после возвращения… Аня сказала Юре, что выходит замуж… Все ее серьезные решения и поступки… были природы той же, что и приступы игривости… они сваливались на окружающих внезапно… как снег в горах… или же камни…

– Мне сделал предложение… мой научный…

– Бляхман?

– Да, Бляхман… Наум Зальманович… Ты ведь не антисемит?

– Нет, – сказал Ананьев, – нет…

А что он мог сказать? Сам он никаких предложений никогда Ане не делал. Не сделал и тогда… единственно возможный контрход… а может быть… и невозможный – не та весовая категория…

Только подумал, что теперь уж точно… конец путевкам в Пушкинские Горы… турбазам молодежным… и студенческим профилакториям…

Бляхман был не только научным руководителем Анны Ксенофонтовой… заведующим кафедрой… членом всех мыслимых и немыслимых научных обществ… советов и комитетов… он был… что может быть важнее всего иного… ветераном войны… и депутатом Моссовета… ну, и вдовцом… свежеиспеченным…

Разница в возрасте – тридцать три года… ровесник ее родителей…

– А что дома скажут… как отнесутся? – все же не удержался… и спросил Ананьев…

– Думаю… в данном конкретном случае… отнесутся с пониманием…

Ну, может быть… Ананьев вдруг вспомнил… очень давний рассказ Ани о руках… о том, что они у нее... как будто слепок… слепок отцовской ладони… те же пальцы, те же ногти… и решил – возможно, это и приятно будет кому-то в Иверске… осознавать… какие бы и ни были… и как бы ни мешали… предубеждения и предрассудки… что эта копия… сам лично, можно сказать… забавляется… играет с ключом от квартиры на Университетском проспекте… от дачи в Малаховке… профессорскую зарплату пересчитывает…

Аня же получила то… что дать Ананьев ей не мог… сам в банке… в танке, в скорлупе… – свободу… и власть…

Такую, что она даже смогла сохранить девичью фамилию… так и осталась навсегда… Ксенофонтовой…

***

А потом… не так уж и много времени спустя… у Ананьева и вовсе появился повод… быть благодарным семье Ани… ее родителям и сестрам…

Поездки в Иверск… свадьба… ДР… что-то еще… реальное или придуманное… как правило, становились поводом… для Ани… ночь провести на Проектируемом проезде…

Она возвращалась к нему… как почтовый голубь… с завидной регулярностью… и, может быть, поэтому… Ананьев так долго не бросал… эту ставшую слишком большой для него двушку… с видом из комнат… двадцать один квадратный метр и шестнадцать… на Ленинский проспект… а из кухни… еще семь метров – на перекресток Обручева и Проектируемого…

– А я видел твое такси… «Волга-универсал»… да?

– Да… когда спешишь – не выбираешь… говорят, оно дороже…

Ответить… сказать… «с чего бы это»… Ананьев мог и не успеть… замужество сделало Аню еще стремительнее… и решительнее… а необходимость успеть на самый первый поезд… еще и непреклоннее…

– Скажу, что не было билетов на вечерний… поздно приехала…

– А твой… в Малаховке?

– Да… оттачивает формулировки… корпит над авторефератом…

После защиты… очень скоро… Аня понесла… Ананьев долго не решался… но все-таки спросил… и он хорошо помнил, где… в маленьком кафе-стекляшке, что напротив библиотеки имени Ленина… и ему недалеко от места службы… и Ане…

Она только что вернулась из Польши… мечта исполнилась… и если не в отношении смешного места с названием Свиноустье… то совершенно точно Варшавы и Познани… международная конференция… чему, конечно, не стоило особо удивляться… но вот, как Аня умудрилась… будучи с Бляхманом… купить Ананьеву в подарок… водолазку… синюю…

– Сказала, что отцу… он у меня любит… приодеться…

Они сидели за липковатым столиком… за стеклом бежал по проспекту Маркса поток машин… черных главным образом… почему-то… если не считать автобусов… Аня ела слоеные пирожки с мясом…

– Жру теперь… день и ночь… как конь…

Ананьев просто пил кофе… светло-коричневый напиток… с таким названием.

– А он… – и тут… собрался наконец… и брякнул: – Он чей?

– Ребенок? – спросила Аня и, не дожидаясь кивка… или иного подтверждения вопроса… сказала коротко: – Его…

А потом добавила:

– Это совершенно точно…

***

И так… у Ани… появились новые формы… а потом… и новые обязанности, и новые заботы… и ей… поэтому… или по какой-то еще причине… стало все труднее и труднее совершать чудеса... пружинка, гирька… больше не лепилась из теплого… розового пластилина Ананьева…

– Устал сегодня на работе… очень устал… и еще… наверное, мы зря сегодня столько выпили…

– Да сколько же?

– Ну, целую бутылку…

– Сухаря? На двоих?

В отличие от Ани… Ананьев никогда не был особенно силен… и по этой части… да, и сейчас… годы спустя… бокал… ну, два… а дальше… кончался всякий интерес… и удовольствие…

Легкого счастливого забытья… в компании… любой… он боялся, как гипноза… безволия… позора… того… что в его сознании стало неотделимым… от состояния… «в чем мать родила»…

– Знаешь, мы можем еще успеть на электричку… я провожу тебя до Малаховки… а сам поеду к матери… в Колесин… она давно уже в обиде, что я никак не выберусь…

– Ну, нет… раз так… я буду ночевать на Университетском…

– А с кем… с кем остается девочка… когда вы оба… с Бляхманом… в разъездах?

– С няней…

***

Потом… в конце девяностых… и особенно нулевых… с этой девочкой… Эллой Наумовной… Ане пришлось хлебнуть всякого… и кончилось все сионизмом… в острой… совершенно ортодоксальной форме… и отъездом на землю обетованную…

Тогда это казалось страшным горем… трагедией… и, может быть, как-то приблизило… инсульт… фатальный… так и оставшегося непреклонным коммунистом… Бляхмана…

Что стало вторым ударом для Ани… всего лишь к.ф.н… доцент на кафедре в педе… и только-то… одна… в кругу людей… что ее ненавидели… или же презирали… все эти счастливые или не слишком годы…

Выручала лишь страсть к акварели… внезапно обнаружившийся дар…

Аня рисовала… тоненькими… остренькими кисточками… на маленьких белых прямоугольниках бумаги фиалки… и лепестки казались прозрачными и влажными… живыми… или же обломок еловой ветки… с колючей шишечкой… чешуйки светились всеми оттенками тепла… а округлые… осыпавшиеся… один к другому прибившиеся семена… напоминали нежных куколок… глазастых зародышей будущих бабочек… готовых вот-вот проснуться… и комнату заполнить… «волнением крылышек»… как бы сказал… ну, кто?… Набоков, может быть…

Какой-то художественно-промысловый магазин… на Профсоюзной… все это, вставленное в рамку… брал на комиссию… и продавал… что власть над судьбой и обстоятельствами не возвращало… но некоторую свободу… волю… во всяком случае, ощущение ее… поддерживало….

Одна такая акварель… и тоже… из вечной и бесконечной серии… разнообразной малаховской флоры… подручной и подножной – желто-зеленые райские яблочки… пара на вилочке плодоножек в веере листочков… а одно разрезанное – микроскопические… коричневые семечки… в блестящих гнездышках… была и у Ананьева…

Этот рисунок очень любила сестра Лиля…

– Прямо сейчас бы… взяла и съела… – раз за разом она повторяла… при виде маленькой картонки… в квадратике багета вишневого оттенка… и Ананьев… в конце концов ей… эту акварель и передарил…

Чтобы забыть… и никогда не помнить… как Аня уехала… исчезла из его жизни… навсегда…

***

Дело тогда… в две тысячи десятом или одиннадцатом… представлялось… как обыкновенный отъезд на лечение…

Ананьев… теперь уже не помнил… точно… как называлось то, что проснулось в организме Ани… после смерти Бляхмана… она очень… очень стеснялась… и лишь однажды показала буроватые… бугристые… словно запекшееся мясо… пятна на запястье… и точно такой же мерзости… звездочки и созвездия… между фалангами пальцев…

– Ужасно чешется… хоть руку отрубай…

Но наконец… что-то нашла ей дочь… Элла… там у себя… на Мертвом море… грязи… врачи… и Аня решила поехать…

– Буду там фиги рисовать… и финики…

Ананьев в те времена уже жил на Лесной… в торце его дома… в подвальчике… прятался «Перекресток»… и там… время от времени… он покупал овощи… после работы… пытаясь бороться с весом… внезапно ставшим малоуправляемым… при переходе на сидячую работу… без дальных выездов и долгих командировок…

Так что Израиль… у него больше ассоциировался с редиской... чем с чем-то сладким... финиками или фигами…

И так… у американцев… в московском офисе… Ананьев просидел до самого две тысячи четырнадцатого… до первых санкций… зарабатывал не так, как в безумные… и вольные… девяностые… но бонусов и привилегий было много… в том числе и личный шофер… точнее говоря, водитель... которого он всегда мог вызвать…

С ним, собственно, и был договор… и боссы… ковбои… при условии полной компенсации всех затрат… не возражали… им были свойственны в таких делах… и снисходительность, и понимание…

Надо было забрать Аню из Малаховки… посреди ночи…. квартира на Университетском давным-давно сдавалась… и отвезти на какой-то рейс… во Внуково… невероятно дешевый вариант… который отыскала дочь Элла… со стыковкой… в Баку или Ереване…

– Ты же поможешь? – спросила Аня… позвонила… – И ночь… и это Внуково… и набралось вещей… да, еще мольберт… черт-те что… и смех и грех…

– Конечно, – сказал Ананьев… но почему-то… ложась спать... привычно отключил звук на телефоне… и обнаружил… утром… десяток пропущенных звонков… и пару сэмэск… от Ани… и от водителя Сергея…

Когда тот наконец нашел… среди песка и сосен… в дачном поселке… и улицу, и дом… то выяснилось, что Ани уже нет… какое-то залетное такси… приехало… немного раньше… к гулявшим до самого рассвета… соседям…

***

Почему он ей сразу не позвонил… Ананьев мог объяснить… ну, летит человек… вне доступа… Почему не позвонил вечером… на следующий день… тоже… ну, роуминг… международный… дорого… сама… наверное… подаст знак… когда пора бы уж… и извиниться… наконец… инициатива всегда была на ее стороне… она заводила… а так… конечно… он готов… готов…

Не мог Ананьев объяснить другого… почему… после года тишины… или двух… он сам… повинуясь необъяснимому импульсу… однажды… при смене одной модели «Самсунга» на другую… просто взял и удалил… Аню… Анну Ксенофонтову… из всех контактов… одномоментно…

Ну, или сам себе бы мог… конечно… но вот Ане… никак… слишком бы долгим… и совершенно невозможным вышел бы разговор…

***

И вдруг это письмо… мейл от polina.dolochova из журнала «Глюч»… который Ананьев воспринял не глазами, а нутром… каким-то особым… даже не шестым, а сто

шестым чувством… не только пыталось ему вернуть нечто, укрытое бесконечными слоями мха и песка полного забвения… отца… Владимира Яковлевича Хильшейна… но и Аню… Анну Ксенофонтову… потому что в нем… в этом письме было среди прочих предложений… нелепых из-за несносной непосредственности… и беспардонных от столь же неуместной самоуверенности… самое дикое – поехать в Иверск… ее родной город… областной центр на Волге…

В трех… без копеек… часах езды от Ананьева… хоть на машине, хоть на поезде… журналист, расследователь из журнала «Глюч» Полина Долохова обнаружила… живым… человека, которого мать ненавидела больше всех на свете… считала специально подосланным провокатором, сломавшим жизнь отца… а с ней и всех членов семьи Хильшейнов – Александра Васильевича Иваницкого… молодого… совсем еще юного конструктора… взятого вместе с отцом… накрытого тогда… с поличным… в ту давнюю, злополучную ночь в номере на двоих южносибирской гостиницы…

Так вот… оказывается… он все пережил… Александр Васильевич Иваницкий… тюрьму, суму… бесчисленные смены местожительства и работы… и наконец обрел… право на законный отдых в Иверске… пенсионер… разводит флоксы на балконе… сам водит на прогулки собачку в ближайший сквер… и ходит в гастроном, что за углом… где молоко и гречка…

Но и не дальше… и только с костылем…

Давняя травма… ужасное ДТП… лишила его подвижности… и возможности совершать долгие и утомительные поездки… сообщала Полина Долохова… и поэтому единственная возможность повидать Александра Васильевича – это поехать прямо к нему… в Иверск… благо это совсем недалеко… два часа с небольшим…

«Ведь это один из тех немногих еще оставшихся с нами людей, кто так близко и, что очень важно, с особенной всем неизвестной стороны знал вашего отца, Владимира Яковлевича, и вам, я совершенно в этом уверена, в этой связи было бы очень волнительно, и, несомненно, приятно поговорить с ним о нем».

***

Ананьев никогда не думал и не размышлял о сути той… «всем неизвестной» и «особенной стороны» жизни отца, о которой ему решила напомнить вдруг… без спроса и запроса… и столь бесцеремонно… сотрудница журнала «Глюч»… журналист и расследователь… Полина Долохова… а равно о приятности или неприятности всего того, чем могли или хотели заниматься ночью в номере на двоих отец и Иваницкий…

В его сознании… довольно долго… все это было просто особо темной и мутной частью того, что подразумевало вообще… позорное состояние… «в чем мать родила»… но как-то… это было в самом начале его московской жизни… одно происшествие… случай в букинистическом магазине у Ивана Федорова… окрасил для него навсегда пару… отец и Иваницкий… особо мерзким… и неприглядным светом….

В юности… Ананьев… долгое время мечтал о том, как дочитает… «Степного волка» Германа Гессе… книги… несмотря на все трудности жизни в Колесине… мама время от времени покупала… что-то ей особенно дорогое и важное… Маканин, Астафьев, Быков… а вот толстые литературные журналы… ту же «Иностранку»… где появлялось то, что интересовало уже Юру… он мог найти только в библиотеке… в городской… на проспекте Ленина… где мало того, что существовали длинные очереди на свежие номера… они еще и пропадали… раз и навсегда… Ананьев предполагал, что в домах самих библиотекарей… или же их родственников…

Номер четвертый журнала «Иностранная литература» за 1977 год… он успел проглотить… тот самый, где на обложке была картинка с речкой… похожей на Чугыш… хмуро катившей синие воды между угрюмых серых скал… а вот пятый… окончание – Ананьеву уже не достался… журнал с бордовой девушкой… очень решительно вскинувшей

над головой малиновый… серп и молот… ему, вообще, не везло… с такими номерами… где на обложках… сидели красавицы… в индийских сари или несли кувшины в армянских архалуках… а таким… оказывался каждый второй…

Став студентом… и зажив в Москве… с ее бесчисленными букинистическими магазинами… Ананьев был уверен… что соберет наконец… весь роман Гессе… и номер четвертый «Иностранки» за тысяча девятьсот семьдесят седьмой… с природою Сибири… и пятый… экстерриториальный… с майским плакатным образом… но не везло… за восемьдесят копеек предлагали лишь журналы с «молодой поэзией Анголы» или с заметками «о Юхане Боргене – островитянине»… «Степной» же «волк» в руки не давался… другим – абсолютно неподъемным вариантом был только годовой комплект… двенадцать номеров разом… за немыслимые абсолютно… десять или одиннадцать рублей – бюджет недели…

Но так… лишь для Ананьева… как оказалось…

***

И это… вдобавок… выяснилось… едва ли не через месяц… чуть ли не сразу после того, как Поройко… в совхозе… в огне походов с напитками и без… к девушкам-филологам… что-то сказал Ананьеву о его внешности… о ее премиальности… и необходимости пользоваться… подобным даром природы… утилизовать… что сделало открытие… нечаянно совершенное Ананьевым в книжном магазине… у памятника Ивану Федорову… особенно тошнотворным…

Он просто стоял… рассматривая с обычной безнадежностью… несколько… пристроившихся одна к другой… пачек годовых комплектов «Иностранки»… их было много… необыкновенно много в этот раз… аккуратно перевязанных крест-накрест бечевкой… кто-то почистил, надо полагать, домашнюю библиотеку… семьдесят пятый год… семьдесят шестой… семьдесят седьмой… семьдесят восьмой… как вдруг услышал… рядом…

– А по отдельности… у вас случайно этих же годов нет… мне нужен семьдесят пятый… первый и второй номер… там Воннегут…

Ананьев обернулся… чтобы увидеть идиота… и буквально… остолбенел…

Оттого, как… на стоявшего перед прилавком юношу… ровесника, наверное… с мелкими… но приятными… скульптурными, можно было сказать… чертами лица и совершенно необыкновенным… русским чубом – волной есенинской… смотрел продавец – один в один Поройко… разглядывающий своих зябликов и мякишей…

В глазах этого человека… вполне обыкновенного… средних лет… в джинсовой жилетке… и ковбойке с закатанными до локтей рукавами… переливался всеми цветами кулинарный жир… светился… как это бывает… на чугуне сковородки… перед зажаркой всего и вся…

– Зачем же случайно… – сказал наконец обладатель жилетки и ковбойки… и легко… не отводя взгляда от юного посетителя… глаз липких и полных какого-то особого… внезапно мир посетившего… расположения и благоволения… быстрым и ловким движением выхватил из общего ряда нужную… единственную пачку… и раз – тут же… лежавшим на стойке… рядом… коротким канцелярским ножиком… срезал бечевку…

– Какие, вы сказали, номера?

– Первый и второй… – пролепетал… едва способный что-либо говорить… от надвигавшегося на него… словно залетная… ночная электричка… буквально… наезжающего счастья… обладатель рязанской… золотой роскоши на голове… и греческого… вполне классического профиля…

– Ну, так держите…

И по тому, как переглянулись между собой… два приятеля продавца… такие же, как он… невнятные… тихо беседовавшие с ним о чем-то… все то время, покуда Ананьев глазел

на книги и журналы… до самой той секунды… покуда мир не опрокинул своим вопросом поклонник Воннегута… и по тому какие зайчики… совсем не солнечные… перебежали… переметнулись… между этими людьми… никакими… но с румяными щеками и гнусным прищуром… Ананьев понял, что не ошибся… и правильно все оценил… попросту угадал мерзкую подоплеку… того, что начало разыгрываться… буквально… рядом с ним…

И чтобы не видеть продолжения… не испачкаться… он тут же… вышел из магазина… стремглав… и никогда в него не возвращался… и не пытался больше… вообще… где-нибудь или когда-нибудь… высматривать два номера журнала «Иностранка» с романом Германа Гессе…

***

Но больше всего… ужаснуло Ананьева… даже не то, что он сам… спросил… вот так же… по глупости, наивности и по простоте душевной… два «отдельных номера этих же годов» … мог оказаться… в гуще… негаданно, нежданно всей этой гадости… водоворота… который неизвестно уже как… открутить назад… да просто выплыть… из этой мути… на поверхность…

Его обожгла внезапная мысль о том… что точно так же… совершенно с такими же глазами… наверное… липкими и сладкими одновременно… мог и отец… соблазнять Иваницкого… обещать… какие-то командировки… должности… проекты…

Чудовищно…

Он шел… куда-то, зачем-то… гостиница «Метрополь»… сквер с головой Маркса… гостиница «Москва»… подземный переход… улица Горького… Госплан… Ананьева трясло… он не хотел иметь со всем, что видел и слышал минуту или две тому назад… ничего общего… но между тем… имел…

Имел! В нем текла кровь… кровь Владимира Яковлевича Хильшейна… Вольки – какое непередаваемо мерзкое… конфетное… липкое и сладкое одновременно имя… вольки-дольки… мармелад… и значит ли оно… обещает ли… кошмарное – и в нем… в Ананьеве может проснуться… однажды… желание… готовность… ради упоения минутой… ради мимолетной победы… идти на все… на преступление… на срам… и на смерть…

И вдруг Ананьев остановился…

Ему показалось… в смятении… в горячке… что он увидел Аню… в небольшой очереди у передвижного прилавка… примостившегося в имперском портале циклопического здания… с магазином «Подарки» … на первом этаже…

Ананьев невольно попятился… меньше всего… именно сейчас… когда он ощущает себя… чуть ли не демоном… чудовищем… он бы хотел встретить того… кто уж, наверное… и не один раз… и не два… испытывал… какая, собственно, разница… девочка или же мальчик… недавно виденную мерзость на себе… это мыло губ… это сало глаз… вольки-дольки… раж соблазнения… охоту и решимость врать… льстить, угождать, кривляться… ради мгновения… одного-единственного… но способного разрушить целый мир… уничтожить все и вся…

Ананьев хотел спрятаться за чью-то спину… но не успел… Аня вдруг обернулась… и оказалась… совсем другим человеком – просто какой-то незнакомкой… с серыми… московскими, усталыми глазами…

Они скользнули по лицу Ананьева… быстро и равнодушно… и отвернулись от него… не обнаружив ничего… не выразив… ни страха, ни упрека… ни даже интереса… вновь обратились к ценникам… написанным на маленьких… как чеки или билетики бумажках… шариковой ручкой… все…

«Бред! – сам себе сказал Ананьев… и вдруг почувствовал огромное… непередаваемое облегчение… блаженство. – Ну, бред же! Я мамин! Точка!»

– Вы что желаете, молодой человек? – спросила Ананьева продавщица… бойкая женщина… в белом халате поверх пальто… когда теченье… уличный поток… уже его самого прибил к прилавку…

– А что… что у вас самое свежее?

– Да все у нас свежее, молодой человек… а миндальные пирожные, вообще, еще горячие….

И Ананьев приехал в общагу с целым кульком… десять штук…

– А что за праздник? – интересовались все, кого он угощал… в лифте… по ходу в коридоре… в комнате…

И он не мог ответить… но два рубля… два рубля двадцать копеек – все сэкономленное за неделю… ему нисколько… ни одной секунды не было жалко…

***

И вот его теперь… вновь… сорок… если не больше, лет спустя… какая-то девица… журналист, расследователь… Полина Долохова… пытается соединить с тем… с чем он… и давно уже… не имеет ничего общего…

Ананьев внезапно захотел посмотреть на это существо…

Необъяснимое отчаяние… паническое… инфантильное… ощущение фатальной… совершенной безнадежности положения… столь свойственное его природе… при столкновении с любой угрозой… извне… его покою и отстраненности… счастливо обретенной абсолютной упругости бильярдного шара… прошло…

С годами он обзавелся… спасительным уменьем и способностью… сделать паузу… переждать… неуправляемый… неконтролируемый припадок страха… и взять себя в руки… посмотреть на дело трезво… издалека…

Как она его вычислила?

Ананьев перечитал письмо от polina.dolochova@gluch.ru еще раз… теперь уже не селезенкой и хребтом… друзьями верными, но слишком опасливыми и реактивными… а как и следует… и как положено… глазами… и очень хладнокровно…

Все в этом длинном мейле было на тоненького… слабенькая получалась линия… от пенсионера Иваницкого из Иверска… к каким-то людям в Чугыше… на удивление… помнившим мамину девичью фамилию… но при этом… не помнящим… ни имя Юры, ни имя Лили… вообще… какие были дети у Хильшейна и сколько… и вот она… «расследователь»… по крохам что-то собирала… кого-то расспрашивала… копала… и нашла наконец… юриста Ананьева – та самая фамилия… отчество Владимирович… место рождения – Чугыш… год подходящий… и храбро написала…

«Уважаемый Юрий Владимирович!

У меня есть все основания предполагать…»

Теперь Ананьев… в свою очередь… нашел… и рассматривал уже ее… Полину Викторовну Долохову… и это… слава Богу… не потребовало многотрудных и многолетних изысканий… прямо на сайте журнала «Глюч»… в разделе «Все наши»…

Лет двадцати восьми… с лицом, не лишенным приятности, но словно… пыльным… коротко стриженная… с чем-то похожим на череп на цепи… в глубоком разрезе черной кожанки… косые металлические замки-молнии… броские… и в правом ухе… крупный крест – серьга…

Ананьев представил себе… в метро он время от времени ездил… и потому мог… как все это пахнет… железо… кожа… при полном презрении к дезодорантам… и вспомнил мать…

С возрастом у нее все угасло, кроме обоняния… обострившегося до невероятной… звериной остроты… и все затмила в ней… заполнила… какая невероятная… космическая брезгливость… из-за которой она практически не могла уже… ни пить… ни есть…

– Юра, эти сырники воняют тряпками… старыми половыми тряпками…

«И самое поразительное, – подумал Ананьев, – что это все готово обнажаться… и более того… нисколечко не сомневается… что и другие… только и ждут момента… шанса и повода… скорее разоблачиться… продемонстрировать себя «в чем мать родила»… всем сразу и одновременно…»

Ананьев щелкнул в окне Яндекс.Почты кнопочку «Ответить»… и стал писать…

«Уважаемая Полина Викторовна!

Мне очень жаль Вас разочаровывать, но я не имею никакого отношения к тому человеку, которого Вы ищете и уже надеялись, что нашли…»

Закончив… и пару раз перечитав написанное… добавив тут запятую… там мягкий знак… в «тся»… или же убрав… Ананьев щелкнул… решительно и без малейших уже сомнений… по желтому прямоугольничку «Отправить»…

Еще немного посидел… перечитал отосланное в одноименной папке… и только после этого… совершенно уже успокоившись… поднял бокал, полный вина… цвета остывшей… уже коагулировавшей крови… и сделал большой… вполне заслуженный глоток…

***

Пара… тройка недель… до прихода дурных новостей из Питера были удивительно спокойными...

Ананьев много и очень продуктивно работал… и среди прочего… смог узнать от нужных людей в налоговой… очень много интересного о денежных потоках… как входящих, так и исходящих компании «ЭчБиЗи»… вкупе с информацией из «Спарка»… также тщательно изученной и проанализированной… картина вырисовывалась очень любопытная…

Конечно… еще требовалась некоторая систематизация всех данных… выстраивание убедительной и связанной логической канвы… для презентации… формальной… в «Повер Пойнте»… но общая картина уже была достаточно ясной в то утро, когда с чашкой кофе… что-то как обычно себе дудя под нос… в кабинет Ананьева зашел Поройко… и поинтересовался:

– Ну, как там наш славный ХБЗ? Нарыл уже им делов… на десять лет без права переписки?

– Да, кое-что есть… – с обычной своей сдержанностью ответил Ананьев, но с такой нескромной улыбкой, что Поройко… свободной рукой подвинув к себе стул… и присев к приставному столику… спросил:

– И?

Ананьев стал рассказывать – да, американцы беспокоятся не зря… жена Хуторянинова… бойкая штучка… которая, как кажется… не только вертит самим Хуторяниновым… гендиректором… как хочет… но и всей этой компанией… русским филиалом… ни больше и ни меньше как племянница самого крупного клиента «ЭчБиЗи»… строительного монстра «Альфастройресурс»…

– Как ты понимаешь, Андрей… тут не просто конфликт интересов… тут двойной… и если бы это было все… еще один племянник… двоюродный брат все той же юристки… бой-бабы… ни больше и ни меньше – начальник службы снабжения всего «ЭчБиЗи»…

Удивляло лишь то, как реагировал Поройко на сказанное Ананьевым… чем скандальнее последний выкладывал детали… тем равнодушнее… казалось… их принимал… старший партнер юридической конторы «Поройко и партнеры»… в какой-то момент возникло ощущение, что он и вовсе слушает вполуха… или, вообще, не слушает…

И вдруг Поройко вскинулся… как будто отозвавшись на повторение слова… так понравившегося… и снова… с удовольствием употребленного… Ананьевым – «бой-баба»…

– Слушай, Ананас… а как… ну, вообще… ты никогда не думал… у них это происходит?

– Что именно? – Ананьев растерялся…

– Процесс организован… – в глазах Поройко ожили… вдруг… веселые… бессовестные жучки-светлячки. – Процесс удовлетворения одного другим… ребенок-то откуда-то у них… у хорьков… взялся…

Ананьев пожал плечами…

Но Андрей Поройко уже на него не смотрел… он представлял себе… воображал… и рожа его сияла:

– Так… вымыл?.. с мылом?.. с марганцовкой?.. тогда встать… здесь... действовать строго по команде… снять это… это тоже… внимание… приготовиться... и на счет три-четыре… с места… решительно… и дерзновенно… пошел... пошел…

– Ать-два... ать-два... – Поройко повторил пару дурацких междометий несколько раз… со смаком… словно забывшись… а потом… как будто и сам от этого стал частью воображаемого действа… сладко добавил:

– И задышала...

***

«И задышала»… это была одна… едва ли не единственная… из тех привычных и часто слетавших с уст Поройко сальностей… которые Ананьев не воспринимал как часть детсада – того особенного устройства ума Андрея Поройко, в котором «письки, сиськи» и еще Бог знает что… неукротимое желание пионера… на дерево залезть, чтоб заглянуть в окошко бани… женского отделения… прекрасно уживалось с холодным умом, железной хваткой человека, не так давно перевалившего полтинник… и с опытом… очень долгой и необыкновенно успешной профессиональной работы…

Совсем наоборот… это «задышала» было как раз символом силы… пусть и выраженной самым неприятным и отталкивающим образом… и главное… не только способной причинять боль… но и еще при этом очень хорошо знакомой Ананьеву… испытанной на себе… за годы привязанности к Ане… признаком и знаком – чувства хозяина и господина положения… превосходства… абсолютно несвойственного и неизвестного самому Ананьеву… первого, от чего он всегда бежал… ну, если только Аню не считать… и откровенно побаивался…

А каким сильным и при этом по-хозяйски отвратительным может быть Андрей Поройко, Ананьев очень хорошо знал… во всяком случае никогда бы не пожелал… как-нибудь… оказаться в положении Георгия… Гоши Райхельсона – одного из трех партнеров-основателей конторы…

Правда, очень странного… не внесшего в уставной капитал даже той скромной доли, что смог Ананьев… зато с первого дня начавшего претендовать на лидерство… на главное и последнее слово во всем… потому что… как полагал Гоша… он подогнал в контору нечто важнее денег – связи…

И внешний лоск… если Поройко мог при клиентах… забывшись… невзначай… очки для дали, извлеченные из копеечного… пластикового футляра… протереть галстуком… то Гоша… мало того что носил бабочку… подобные манипуляции, начисто исключающие… еще и шил по мерке… англичанин… даже сорочки у портного… и у него же заказывал платочки… шелковые… с баронским вензелем – переплетенье букв «Г» и «Р»…

Но «Ролекс»… кто знает… может быть, и китайский… а на втором запястье… браслет с претензией… меандр с акантом… из самоварного… кто проверял… золота… Поройко… может быть, Гоше и простил… даже баб его – безмозглых… тощих… как праздничные шарики-колбасы… одним и тем же воздухом надутых и перегнутых по одному образцу… но никак не желание командовать… и главное поучать… умничать…

Ананьев очень хорошо запомнил… один из тренингов… на которые горазд был мотать совместно заработанное Георгий Райхельсон… что-то сверхмодное… какой-то emotional intelligence – «сумма навыков и способностей человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач».

И жеманную барышню… в сапогах-уггах… валенках… пусть даже и австралийско-американских… носительницу всех этих «компетенций»… готовую за деньги… передавать полный набор другим…

– А вот еще один классический пример неверной перцепции… Слово, которое слышат и произносят все буквально каждый день… но пишут совершенно некорректно…

– Пи-да-раз, – очень негромко… словно бы сам себе под нос … но так отчетливо… как диктор телевидения… первого канала… проговорил Поройко…

– Перспектива, – пролепетала барышня в желтых… новомодных пимах… и багрянец на ее щеках… и на физиономии Райхельсона… перекликаясь… говорили о том, что «перцепция» на этот раз… была корректной… абсолютно…

***

– А влез такой задумчивый, а слез такой загадочный… – между тем мурлыкал Поройко… и было очевидно… мысли его… хоть и циничны беспредельно… и гадки, как всегда… но при этом… очень и равно далеки сейчас… как, собственно, от темы беседы с коллегой… так и возможных реакций… Ананьева… на внешние раздражители… его слишком тревожной… не по годам и возрасту… психики…

И Ананьеву вдруг стало стыдно… оттого, как он в последнее время распустился… слишком много беспокоится и думает… нервничает из-за каких-то глупых попыток вызвонить его… нелепых мейлов с нелепыми предположениями и предложениями… или вот гадает… что там у Поройко в голове… как это далеко от идеала – ровной и гладкой зелени бильярдного сукна… того… где между шарами только абсолютно упругое соударение… мгновенный отскок…

Конечно… тогда в четырнадцатом… когда американской нефтянке собственное правительство… первыми же санкциями… перекрыло кислород… Поройко внезапно вынырнувший… ниоткуда… и предложивший партнерство… очень выручил… но и Ананьев его… не в меньшей степени… со своими знаниями английского и международного права… в ту пору, когда сами собой шли косяками люди, работавшие с индусами и южноафриканцами… про нынешнее время, когда у всех клиентов первыми друзьями – арабы из залива… и говорить не приходится…

«Поэтому… мы все тут равные… в “Поройко и партнеры”… – думал Ананьев, – и старшие, и младшие – как хочешь называй… но главное – профессионалы… те самые шары… что подчиняются простым и ясным законам физики… механики… сила действия равна силе противодействия… и никакого блуждания во мраке физиологии или тумане какой-нибудь… не знаю… науки о мозжечке… детсада, попросту говоря…»

Казалось бы… но просто взять и обсудить находки и догадки… саму по себе ситуацию… двусмысленную и скользкую… возникшую в связи с запросом заморских хозяев ХБЗ – последнего, наверное, что оставалось еще на руках из принесенного… когда-то… Райхельсоном… с его баснословными, но мусорными по большей части связями… не получилось…

Поройко вновь озадачил…

– И знаешь, Ананас… – сказал он, внезапно перестав пересобачивать певицу… Людмилу Зыкину, – самое удивительное, что он нас так никуда и не позвал… недели три тому назад… да, больше… помнишь? … прибежал… наобещал… обмыть мужской свой

подвиг… тимбилдинг… или как его… фуилдинг, в общем… и нету… пропал Хорек… с концами…

И тут же… поинтересовался… после небольшой паузы…

– А у тебя… случайно не было… в детстве… крысы?

– Нет… у меня аллергия на животных… и у сестры… – ответил Ананьев… но Поройко… похоже… его по-прежнему не слушал…

– А у меня была… белая… такая умная зверюшка… чертовка… и ласковая – ну, вообще… может сидеть на тебе часами… тереться носом… греть уши… типа гнездо вьет… но только, когда начинает ходить с плеча на плечо… обязательно хвостом смажет по морде… прямо по губам… ширк… а он у нее, как рашпиль…

– Должно быть очень неприятно…

– Вот то-то и оно…

***

Еще более странным оказался разговор с кадровичкой Еленой Николаевной… состоявшийся день или два спустя…

Она так же… как и Поройко… сама зашла в кабинет Ананьева… но не с чашкой горячего капучино… а с ноутбуком под мышкой…

Похоже, шла от шефа… мимо… и решила заглянуть… на огонек… присела, с характерной для нее деликатностью… у приставного стола… и посмотрела на Ананьева… и тоже… привычным образом, как завуч на отличника – не находя пока причин для осуждения…

– Как там дела… нашли уже замену Зиночке? А то Андрей Аркадьевич… уже неделю или две… сам себе варит кофе… – спросил Ананьев… из чистой вежливости…

– Нет… но я как раз об этом и хотела с вами поговорить… Юрий Владимирович… на эту, собственно, тему…

– Со мной?

– Да, именно с вами, Юрий Владимирович… – подтвердила Елена Николаевна… и ее лицо школьного работника при этом потемнело… как будто в самом деле подтвердился факт – Ананьев, победитель трех олимпиад, курил в туалете…

– Вы знаете… мне очень не понравилась та… последняя кандидатка на том собеседовании, которое вы со мной вели…

– Из «Альфастройресурса»? – вдруг вспомнил… и сам этому удивился Ананьев…

– Да, именно она… так вот… я ее нашла на «ХедХантере»… она не работает в «Альфастройресурсе»…

– А где же?

– В «ЭчБиЗи»… в службе снабжения… диспетчер на складе…

– Зачем же было врать? Это же… это же вылезет… ну, там… трудовую все равно же надо будет принести когда-нибудь…

– А трудовая, может быть, и в «Альфастройресурсе»… а в «ЭчБиЗи» – договор ГПХ, например… или…

– Но зачем… зачем все это? – Ананьев не мог скрыть изумления…

И тогда лицо завуча… кадровички Елены Николаевны… стало печальным… словно она столкнулась с прискорбным, но типичным случаем – надо бы выгнать, но нельзя…

– Кому-то очень интересно узнать о нас побольше….

– В «ЭчБиЗи»?

– И не только, – сказала Елена Николаевна, – не только…

***

Но все это забылось… начисто вылетело из головы… потому что в тот же день… часа через два… когда уже пробило шесть… и офис опустел… Ананьеву позвонила из Питера Маша… Мария Михайловна… главная подружка Лили… врач-онколог из гематологического центра …

– Юра… надо бы тебе приехать…

– Сорваться… прямо сейчас?

– Иначе может оказаться поздно…

– Да… да, что там все же происходит, Маша… ты что… меня обманывала целый месяц?

– Нет… просто ничего не можем сделать… отторжение… идет, и все…

И в наступившей абсолютной тишине… бесспорным доказательством того, что Ананьев не оглох… был голос Поройко… беззаботно напевавшего в холле… у кофемашины…

– Три танкиста выпили по триста...

***

С Лилей ему всегда было тяжело… шумная, компанейская… туристка, альпинистка, байдарочница… несмотря на перебои ритма сердца… экстрасистолы… пугавшие всех, кроме нее…

Она могла вдруг… зимним вечером… в большой комнате… заставленной всевластной и назойливой… красноватой мебелью с парадной посудой и книгами… откинуться на покатую, шершавую спинку дивана… и сидеть так неподвижно… молча… минуту, две… прижав обе ладони к груди… закрыв глаза…

А потом открыть и весело сказать…

– Птичка пролетела…

Ей все было нипочем… она не сомневалась никогда, что все преодолеет, и все переборет в этой жизни… и даже брата перевоспитает… если надо… тихоню… буквоеда… маменькиного сыночка…

Копия отца… от мамы вообще ничего… ну, разве что… и та, и другая… не были сильны в математике… самых простых вещей могли не помнить… и не понимать… элементарных…

Да… обе… делили и умножали в столбик…

***

Но тяжело с Лилей было не только Юре… но и маме… потому что из всех своих походов и пионерских лагерей… она притаскивала домой грязь… запах… тяжелый чужеродный…

И ночь всякого ее возвращения… была неизменно… ночью большой стирки…

Это ритуальное урчание и уханье стиральной машины… в кромешной темноте ночи… сначала чугышской… неподвижной, зимней… а потом и колесинской… летней и легкой… глухое… непрекращающееся бормотание… похожее… то на стук паровой машины в трюме… то на плеск лопастей за кормой… успокаивало Юру… он мог воображать себя Томом Сойером… или Гекльберри Финном… спрятавшимся от всех в домике на острове… или лезущим, как Джим Хокинс, вверх… в небо… по веревочной лестнице… в корзинку наблюдательную на мачте… где тоже никто тебя не заметит…

Какой литературный герой мог приносить… в эти часы… успокоение маме… Юра не знал… книги для взрослых – Толстой или же Достоевский… его тогда еще не слишком интересовали… но, может быть… иногда думал он… все тот же… Том Сойер с его друзьями… красящий забор… защищающий дом… сохраняющий чистоту… отделяющий… плохое от хорошего…

Лишь много… много позднее… Юра узнал, что стирать надо было вовсе не шмотки – рюкзак Лили… куртку-энцефалитку… в Чугыше… или же лыжный костюм… в Колесине… а нечто иное... то, что не стирается вообще...

***

Дневник Лили был самой обыкновенной общей тетрадью…

Из тех, впрочем, за которыми когда-то гонялись… и не всегда могли купить – сорок восемь листов в клетку на металлической пружинке… очень удобно писать… листать… и вырывать ненужное…

А в том, что вырывали… не было никакого сомнения – в стальной спиральке, державшей блок… и бумвиниловую, шершавую обложку… завязла маленькая… зубчатая полоска… словно обрывок почтовой марки… чистой… негашеной…

Но и того… гашеного… что при этом сохранилось… на страницах… исписанных неровным девичьим почерком – то крупные буквы, то мелкие… то вдоль, то поперек… но главное… изрисованных… все той же… неловкой, не успевающей за мыслями рукой – ни одного сплошного контура… ни одной непрерывной линии… все набросано какими-то молниями и искрами штриховки… лучше бы Юра никогда в жизни не видел…

Таких невинных на вид тетрадок… среди домашних книг… было несколько… Ананьев их выгреб из выдвижного ящика серванта… там… с ними… еще оказался голубой томик Брюсова… и два сереньких Мопассана… которые он уже счел украденными… или потерянными… вытащил, когда перевозил маму из Колесина в Москву… и, торопясь… не глядя… просто бросил в общую коробку… а открыл уже на Лесной… перебирая и сортируя перевезенное…

И хорошо, что он… а не мама…

Читать… все эти неопрятные… вертящиеся, прыгающие, лезущие одна на другую строчки… Юра не стал… ему хватило иллюстраций… сделанных все той же… еще девичьей рукой… что поразило больше всего… штришками школьницы… и задолго… за пару-тройку лет… до Лилиного медицинского… курса гинекологии… и прочих связанных с ней предметов… образов и представлений…

Кому она это оставила… Юра не мог понять… и зачем… почему не спрятала, не скрыла… не уничтожила… оставив вместо страниц и строчек... одни лишь зубчики… невинную труху от никогда не бывших в обороте марок…

Не увезла с собой в конце концов… кто должен был… в ее пылающем… безумном воображении… когда-нибудь увидеть это… брошенное… в комплекте с Брюсовым и Мопассаном… открыть… полюбоваться… и что почувствовать… куда бежать…

«Какая мерзость… – думал Юра, – какая запредельная… позорная… и недостойная дрянь…»

Стоило ли теперь… после увиденного поражаться тому… что именно этот человек… единственный в семье… ни за что не хотел менять фамилию… и с редким упрямством отстаивал свое право быть Лилей Хильшейн…

Ну да, определенно… будущему врачу… красно-солнышко подходит больше… «чем ваше… двусмысленное и просто некрасивое»… Ананьева…

***

Каким врачом в конце концов стала Лиля… Юра не знал… он никогда не пользовался услугами офтальмолога Л. В. Ананьевой… но, наверное, неплохой… сама себя содержала… квартиру купила в Южном Бутово… смешной драндулет… с порожками, чуть тронутыми ржавчиной… «Фольксваген Гольф»…

А вот студенткой точно была малограмотной… и именно поэтому… у нее… что, правда, Ананьев понял далеко не сразу – догадался лишь на четвертом десятке… не

только… из-за необыкновенной легкости характера… безудержной любви к приключениям и абсолютной невоздержанности… не было… ничего постоянного… ни мужа, ни детей…

Тогда же… в Колесине… куда Лиля вдруг примчалась посреди семестра… чтобы буквально через два дня… при вполне здоровом… и даже… неожиданно справном виде… кругленькая, как сдобная булочка… оказаться не где-нибудь, а в больнице… десятиклассника Юру Ананьева лишь поразила таинственная суета… все это действо сопровождавшая…

Приглушенные телефонные разговоры… бабушки Саши уже не было в живых… и мама искала нужные номера телефонов в ее… давно… еще при жизни бабушки… лишившейся части обложки… растрепанной записной книжке… какое-то постыдное шушуканье в кухне…

– Только не говори ничего деду…

– Просто смешно… он тут же все узнает… первый…

А на улице уже мело… но было еще совсем не холодно… и Юра охотно соглашался сходить в магазин… за хлебом и молоком… и ему казалось, что на широкой и пустой Василия Зайцева… над которой захваченные притяжением красно-желтых фонарей… роятся вокруг них колючими тучками блестящие… шершавые снежки… светлее и уютнее, чем дома… где почему-то не включают верхний свет… и тени качаются… между настольной лампой и настенным бра… не приближаясь… ни к одной, горящей вполнакала… ни к другой…

К концу маминой жизни… они с Лилей… стали неожиданно близки… сестра возила ее… на своей свекольного цвета… мятой кубышке на колесах… в которой не осталось, кажется, уже ни одного правильного… ровного стыка… по магазинам по субботам… и в поликлинику в будни… и даже день рождения Лили… с некоторых пор справляли только у мамы… на Донской… чему предшествовала… непременно… генеральная уборка… в четыре руки… опять мама и Лиля…

Там… как-то выйдя… смыть каплю жира… попавшую на светлые брюки… Ананьев задержался в ванной и, возвращаясь… в узком коридоре… услышал голос матери…

– Ну, был бы мальчик, Лиля… пусть и ничейный… но был бы…

И поразился тому, что маме оказалось мало в этой жизни… одного сироты… и его безотцовщины… еще одного… оказывается… мальчика… она готова была полюбить… ну и отмыть, конечно… наконец-то…

– Наверное… – совсем тихо… едва слышно отозвалась… обычно такая шумная… всех заглушающая Лиля…

И Ананьев подумал, что все-таки не зря… не просто так и не случайно… они обе… и мама, и Лиля… всю свою жизнь… что одна, что другая… так долго и трудно… делят и умножают… на бумажке… в столбик…

***

И еще раз… Ананьев убедился в том, что они с сестрой… совсем разной крови, когда выяснилось, что он не может быть для нее донором… мозга… пусть и костного…

Для этого… Ананьеву даже пришлось… первый раз в жизни… съездить в Питер… в медицинское учреждение с длинным и торжественным названием – Центр трансплантологии и химиотерапии им. профессора Б.А. Циклаури…

Там он познакомился и с подругой Лили… Марией Михайловной… Машей – такой же, как и Лиля… энтузиасткой водных походов… Вуокса, Свирь, Ладожское озеро…

Она-то ему и объясняла тогда:

– Финляндский вокзал… станция Удельная… улица Опрятова, двадцать два… маршрутка номер…

И в этот раз решила все повторить…

– Станция Удельная… улица Опрятова…

– Я помню… – сказал Ананьев… еще бы… платформа Удельная – одна из остановок электрички… Москва – Колесин… как забудешь это название – никак… и добавил:

– Так что… до встречи…

Ответ был неожиданным…

– А меня не будет… к сожалению… в субботу мы к тестю едем на юбилей… в Лугу… вернемся только в воскресенье…

– А сколько ему? – спросил Ананьев… непроизвольно… несколько ошарашенный таким поворотом дела…

– Восемьдесят… – охотно отозвались на той стороне… и даже с радостью… как показалось – и в самом деле… трудно найти более естественный и уважительный повод избегнуть встречи с ним… братом Лили…

Избавиться… от тягостной необходимости рассказывать, что же такое… в данном конкретном случае… «отторжение»… что обещает и несет… и чем грозит…

Какое все же неприятное имя у покровителя… небесного или земного… этого медицинского заведения… гематологического центра – профессор Б.А. Циклаури… какие-то циклы… урина… какая-то клоака и икота… грубая, ничем не прикрытая физиология… со всеми ее сопровождающими человеческими извержениями…

Но что-то менять уже было поздно… Ананьев успел позвонить Лиле и наврать… что у него в эту пятницу деловая встреча в Питере… и он… раз уж такой счастливый случай… задержится… и проведет всю субботу с сестрой… в больнице… лучшей в стране… на станции Удельная…

– Как хорошо… – сказала Лиля… – привези белевской пастилы, Юра…

***

Купить пастилу было проще простого… она продавалась в «Дорогомиловском» прямо напротив офиса… на той… противоположной стороне Лесной…

Как и найти… повторно… центр имени профессора Б. А. Циклаури – таксисты… вместе с «Яндексом» не хуже электричек знали дорогу… от Московского вокзала до платформы Удельная… и дальше… совсем чуть-чуть… вослед маршрутке… номер которой ни разу Ананьеву не понадобился… ни года полтора тому назад… ни сейчас…

Огромное здание… а ля московский шик-модерн времен Лужкова… с невероятной круглой шапкой – зимним садом за сплошным стеклом панорамных окон… седьмой, что ли, этаж…

Там… на самой верхотуре… они с сестрой и просидели… больше двух часов….

– Да, все нормально… температурю… слабость… – говорила Лиля… странная… не в вечных трениках и легкой футболке… а в тяжелом… казенном… до пола… халате… – но это норма… так и должно быть…

Они сидели на скамеечке… под какой-то жирной лианой… и сквозь жидкую… низкую изгородь красно-белых цветов… смотрели на голый парк за совершенно пустой дорогой… первый снег… уже припудрил все вокруг… и только пруд на дальнем конце парка… сохранял свой естественный… голубой со стальным отливом цвет…

– Там хорошо летом, – все повторяла Лиля, – и люди катаются… знаешь, на этих… дурацких педальных лодочках… выплывут на середину и выпивают… думают, никто не видит…

При этом она… сама того не замечая, отщипывала кусочек за кусочком пастилы… засовывала пальцы… боролась с вязким и неподатливым в коробочке… и побеждала… раз за разом… Ананьев дважды ходил к кулеру… и приносил ей в прозрачном стаканчике горячую воду…

– Здорово… у тебя такой аппетит…

– Да нет никакого аппетита… просто яблочко… как будто и впрямь… лето… – сказала Лиля и посмотрела на Ананьева … и не так, как старшая… далекая и неприятная

сестра… с которой Ананьев всегда был начеку… от которой непременно ждал какой-нибудь нелепой… неуместной выходки... подвоха... ненужных откровений... гадостей… или же насмешки… а как могла бы мама… ну, или Аня…

И он сам не заметил, как сделал нечто такое… чего никогда не делал – взял Лилю за руку… и удивился… рука сестры… в свалившейся на нее беде и немочи… оказалась теплой и мягкой… словно перина или подушка… совсем не рука туристки, альпинистки, байдарочницы…

И хорошо, что он разминулся с этой Машей… Марией Михайловной… – подумал вдруг Ананьев, – в конце концов Лиля ведь тоже врач… раз говорит – нормально… значит, и в самом деле… все нормально...

– А эта… твоя Мария Михайловна… в Луге…

– Да… у нее там свекры…

– Смешное название… луга… поля… дубравы…

– Смешное… ну, может быть… это по дороге… городок… на пути в Псков… – сказала Лиля… и совершенно неожиданно… с искрой того самого задора и вызова… которую так не любил… и опасался Ананьев… спросила:

– А вот ты был, товарищ-домосед… ты был в Пскове… когда-нибудь?

***

Ананьев сжался… похолодел… но нет… подвоха… или желания его поймать… или же что-то выпытать… узнать… на этот раз… у Лили не было…

– Так съезди, если не был… – продолжала сестра… как будто беседуя сама с собой, – скатайся, дело того стоит… там кремль в пять раз больше… и крепче… нашего… колесинского… и уж тем более рязанского… но главное… там столько лестниц… невероятных… с нечеловеческими ступеньками… огромными… и я все время их вспоминаю… и здесь… да и вообще… всю жизнь…

Ананьев не знал, в какой стороне света… сейчас… Псков… но Лиля смотрела куда-то за голые деревья парка… за узкую и длинную лужу пруда… и там… сквозь грузные… капустные головки цветов зимнего сада… казалось, видела… в неразличимой для него дали… все то, о чем говорила…

– Палаты Поганкины… ну, и, само собою… храм… крыльцо в Троицком соборе – это в кремле... не ступени, а ярусы… гулливерами они, что ли, были… все поголовно… древние псковичи… кажется… не взойти никогда… но, нет… потихонечку-полегонечку… одна за другой… одна за другой… вверх… вверх… и так всю жизнь…

И сестра снова… хорошо посмотрела на брата Юру… давно, как и она сама… ставшего Ананьевым…

– Вот так и теперь… и здесь… потихонечку… полегонечку… ступенька за ступенькой…

И Ананьев вспомнил… сам увидел… за голыми деревьями… за кривой саблей пруда… в присыпанной первым снежком дали… и кремль… и храм… в котором все туристы из разношерстной группы… тайком… покупали тонкие… длинные свечи, похожие на скользкие макароны… и зажигали, спрятавшись за колонной… или укрывшись в нише… а они с Аней не стали… единственные…

И пожалел Ананьев… горько пожалел, что он такой неисправимый человек… во всем и всегда видит угрозу… своему покою… устойчивому равновесию белого шара на зеленом сукне стола… а еще лучше в лузе… или, вообще, на полке… высоко-высоко… и в каждой глупости… и в каждой мелочи… предполагает коварство… вызов и западню…

Когда жила с ним вместе на Лесной… мама… ну, конечно… каждый день мыла пол. И частенько… так получалось… заканчивала домывать именно в ту самую минуту… когда он приходил… возвращался с работы…

И Ананьев… переступая в прихожей тряпку… намотанную на допотопную лентяйку… думал… вовсе не о чистоте… а что же такое еще… ему неведомое… стыдное и горькое… хочет скрыть мама…

А просто… наверное… совсем просто… хотела, чтобы ему было приятно… человеку, который ходит по дому босиком…

В общем… все показалось Ананьеву неуместным… в тот день… на самой верхотуре Центра трансплантологии и химиотерапии им. профессора Б.А. Циклаури – не то чтобы бухнуть… ни с того ни с сего… «Лиля… послушай… а где… как найти могилу мамы… в Бутово»… но и сущую чепуху спросить – а как она поступила… в том… псковском храме… ставила свечку… как все… или же нет…

Ананьев только смотрел на медленно исчезающую пастилу… коробку… из которой остатки добывать… становилось все труднее и труднее… смотрел и думал:

«И чего же он ее так мало купил… в «Дорогомиловском»… в маленьком магазинчике на Лесной… который буквально напротив офиса…»

***

Последний раз он говорил по телефону с Лилей второго… а третьего декабря… среди рабочего дня его набрала Маша… сама… и без всякого «привет» и «здравствуй» сказала… упавшим голосом:

– Юра, поверь… мы делали все, что могли… но вот…

Но это… все же… при всех надеждах… можно было ожидать… а вот того, какой окажется последняя воля Лили… никак…

– Она просила… – объявила Маша, – я тебе покажу письмо, когда приедешь… ее тело сжечь… а прах развеять над Невой…

В крематорий… на заснеженной окраине Питера… Ананьев приехал за час до церемонии… и быстро нашел нужного человека…

– Услуга не предусмотренная… – сообщил тот…

Ананьев молча вытащил бумажник… две тысячи решили дело… и Юра смог… очень аккуратно… как и хотел… в самый последний момент… положить… под слой бязи… и чистый белый сатин… общую тетрадку… с листиками на металлической пружинке… исписанными и изрисованными девичьей рукой…

После прощания Ананьев сел в машину Маши… за рулем был ее муж… сама Маша рядом… на переднем сиденье… и Ананьев – один на заднем… постарался так сдвинуться к двери… чтобы за подголовником сиденья перед ним… в салонное… водительское зеркальце… не было видно ничего и никому…

Машина тронулась… похожий на крепостной редут… белый массив с выступающей над ним… плоской… словно обломок башни, трубой… поплыл… а с ним и легкий дымок… слегка дрожавший… игравший невидимыми цветами спектра… в морозном неподвижном воздухе…

И Ананьев подумал, что природа как будто сама… все делает… чтобы он… остался на этом свете шаром… без памяти, без связей, без следов вокруг…

Днем повалил мокрый снег… который склеивал ресницы… и сыпался за воротник… и Ананьев… не слишком искушенный пользователь отечественных железных дорог нового времени… боялся, что его скоростной «Сапсан» отменят из-за метели… но поезд ушел по расписанию…

Тьма за окном быстро сгустилась… снежинки бились в стекло… льнули к вагонному окну… словно желая заглянуть в лицо… в глаза Ананьева… и он их закрыл… чтобы ничего не лезло в душу… не трогало и не мешало думать… понимать, что все обращается в пепел за его спиной… и Питер… и Псков… и Пушкинские Горы… и Южное Бутово…

***

Между тем… Хорек, как его любил называть Поройко – директор российского филиала главного из двух или трех монополистов на рынке премиальных дорожно-строительных машин «ЭчБиЗи» Борис Хуторянинов, нашелся…

– На сессию ездил…

– Какую еще сессию… он же чуть ли не кандидат наук… два года проучился в аспирантуре… МАДИ… что-то такое… я помню… он как-то распространялся на эту тему…

– Ну, это дела давно прошедших дней… теперь он менеджер международного уровня и непременно должен клеить «эМ-Би-Эй» к своей фамилии…

– А… вот как… MBA… мастером значит будет…

– Ну, таким… поросячьим… из хлева – последний универ в Йоркшире или еще в каком-то еще там заштатном ноттингемшире… на что-то посолиднее его компашка не раскошелилась… но, в общем-то, не суть…

Поройко отхлебнул из чашки кофеек и кончиком языка слизнул с губ пенку… вкруговую… как девушка… в пошлом кино… черт знает к чему такому прекрасному готовя рот…

– Суть в том, дружище… что он обещаний не забывает… и вот зовет… тебя, меня… ну, и вообще, всех важных партнеров на новогодний корпоратив… там, говорит, и новорожденную обмоем…

Ничего, кроме отвращения, что чем-то кислым наполняет рот, Ананьев от этой умопомрачительной новости не испытал… он поморщился, и мышкой на столе нарисовал невидимый крестик – «икс»… нет…

– Новогодний корпоратив… в «Медоварне»… – при этом все так же… с явным удовольствием… не обращая никакого внимания на мелкую моторику и мимику своего партнера, продолжал Поройко…

– Ха… прямо тут, у нас в «Депо»… ты можешь, вообще… явиться прямо в шелковом халате и фетровых тапочках… в домашнем… произведешь фурор… лучший костюм вечера…

Ананьев при этих словах откинулся на спинку своего кожаного кресла… на фортепьянном винте… и не только едва видимыми движениями скул и пальцев, а всем уже своим видом демонстрировал полное нежелание принимать приглашение компании «ХБЗ»… и ее разносторонне образованного… и продолжающего стремиться к большему директора…

Поройко заметил это… он перестал чему-то своему счастливо радоваться… и дружески посмотрев на Ананьева, сказал:

– Ну, не будь ты уж таким вечным ананасом, Юра… ну, давай… давай уважим человека… сходим… развеешься… ну, должен же ты и положительные эмоции получать, хоть иногда… все-таки праздник… Новый год… ну, в самом деле…

Бесы привычного ехидства снова запрыгали в глазах Андрея, и он счастливо продекламировал…

– Это что за хуета крылышками машет?

Это наша детвора возле елки пляшет!

***

Все было гадко… и противно… и лишь одно радовало… похоже, что Ананьев вот-вот очистит… и сможет под самый Новый год… сдать наконец мамину квартиру на Донской…

Девять лет… это висело у него на шее… интересовались... и не раз… нельзя ли… но он не хотел сдавать никому из знакомых... только посторонним и совершенно пустой дом... и вот Ананьев близок к этому…

Самое ценное – книги… он либо продал… парные… либо увез к себе… при этом нашел… вот уж была радость… то, что давно считал исчезнувшим – пятитомник Дюма… «Государственное издательство художественной литературы»… «Москва»… «1956»… «Три мушкетера»… «Двадцать лет спустя»… «Виконт де Бражелон»… титульные страницы в два цвета – черный и красный… а на шмуцтитулах еще и рисунки… плащи и шпаги… ну, и мушкетеры, конечно…

Никогда и никому… Ананьев не отдаст эти книги… вообще любые… ранней хрущевской поры… желтоватые… всех оттенков патоки и меда блоки… сладковатый… умиротворяющий запах клея… шрифты… старинные… давно вышедшие из употребления… но легкие при этом… разреженные ровно настолько, чтобы проглатывались сразу… целыми абзацами… страницами… в далеком… беззаботном детстве… когда весь мир только и состоял… из д'Артаньяна с друзьями… да капитана Немо…

Все пять томов… серо-голубые обложки… с пороховыми подпалинами въевшейся пыли… и необыкновенно приятным на ощупь тиснением – золото букв и черные… распущенные перья… Ананьев обнаружил в платяном шкафу… на полочке… с галантерейной чепухой – платками, шляпками, перчатками… место, должно быть, на этажерках не нашлось… и в самом деле… слишком уж экономных и мелких… для всех маминых сокровищ…

Теперь «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон» в трех книгах стояли за стеклом на Лесной… Ананьев был уверен, что никогда… не станет перечитывать Дюма… но любоваться, сидя на диване… торшер включая… или уходя на кухню… будет всегда…

***

В конце концов все, что осталось… этой зимой… столько лет спустя… среди скромной обстановки… и голых стен… в квартире на Донской – это одна лишь только… электроплита. «Gorenje»… Хорошая… вполне еще живая… и совершенно… ни в каком виде… не нужная Ананьеву…

Она-то и в квартире… все эти годы... не стояла… места не было… жила… как ставшее ненужным домашнее животное… на передержке – на площадке… в закутке у входной двери… облепленная картоном и обмотанная скотчем… мешая что-либо заносить или выносить из дома…

Теперь… когда в пустой квартире места стало – хоть приглашай цыганский табор… Ананьев затащил… тихо постукивавший и позвякивавший параллелепипед в дом… и поставил прямо посреди большой комнаты – главной в этой полуторке… содрал тяжелый… выстудившийся на всех сквозняках времени картон… и проверил – воткнул в сеть… работает…

Красные кружки… мгновенно начали всплывать на черном квадрате стеклокерамики… один за другим… словно ночные… все запрещающие глаза светофоров… зато духовка… ласково дыхнула теплом и желтым светом внутренней подсветки…

Да, и как иначе… это «Gorenje»… что было в порядке и на ходу… попросту сдернули с места… когда ставили кухню… красивую… со встройками – последний подарок Ананьева маме… за полгода до того, как она упала на пол в магазине… на углу улицы Академика Петровского и Шаболовки… обширное кровоизлияние в мозг… через неделю мамы не стало…

Кому-то мама эту плиту хотела переправить в Колесин… не получилось… и восемь или девять зим… стекло, металл – мечта какого-нибудь дачника… просто прохлаждались… мешали всем… в тесных пространствах кооперативной девятиэтажки брежневских времен…

Теперь же… Ананьев выставил «Gorenje» на «Авито»… и объявление тут же стали лайкать… а через неделю позвонил и покупатель… и сразу попросил скинуть две тысячи…

***

Но этого мало… бойкий человечек… с порога объявивший… что он из Подольска… все осмотрев… и углядев мелкую россыпь ржавчины на швах… какие-то невидимые глазу… но на ощупь очевидные подтеки… следы чего-то запекшегося на стенке духовки… попытался еще чуть-чуть поприжимать Ананьева… еще немного сбить цену…

– Там… на «Авито»… и за пять рублей подобные отдают…

Ананьев, который терпеть не мог этот вид спорта – уламывание, торги… счастье канючить и рядиться… а еще больше… людей, что называют тысячу рублем… был краток…

– Ну, и берите… тот, что за пять… раз на «Авито» предлагают… удачи вам…

Но не успел… сейчас же… указать на дверь…

Лицо подольского ловкача и барыги… внезапно собралось в узелок… все словно сконцентрировалось вокруг носа… и он извлек… выудил… из белого пакета… ножик…

Из полиэтиленового, непрозрачного… с инструкцией… паспортом… и еще какими-то техническими бумагами… валявшегося в нижнем выдвигаемом поддоне… под дверцей духовки… который мокрогубый человечек достал по ходу разговора, и в котором зачем-то рылся… он вытащил складничок «Белочка»…

И от этого предмета… глаза его… несносные, прыгающие, неверные… остановились… замерли… …и засветились… вдруг удивительным… детским, счастливым… непередаваемым светом…

– Ваш? – спросил он… глупо улыбаясь… и переложил… как драгоценность… осторожно… с ладони на ладонь…

Синяя сталь… с такими же точечками ржавчины, что выискались на плите… черные пластиковые накладки на ручке – хищное тельце с распущенным хвостом… маленький скол на закруглении… и цена… отлитая между мордочкой зверька и лапками – «1р60к».

– Заберете или оставите? Если оставите… то пусть… раз уж договорились… семь рублей… так семь…

***

Когда Ананьев перестал считать этот ножичек чем-то вроде оберега… и больше того… стал видеть в нем символ угрозы… как… и в какой момент… складничок «Белочка»… сокровище… стал напоминать о том, чего хотелось бы избежать… даже больше… чем с детства пугавшего разоблачения… другого – нечаянного соблазнения… обаяния опасного… трогательного, возбуждающего, безоглядного…

Да на четвертом курсе… после того, как на Казанском вокзале… Ананьева окликнули… негромко… но будто бы оглушили… мухобойкой…

– Хиля...

На гнутой фанере длинной вокзальной скамьи… с краю… одной рукой опершись на скользкий… металлический подлокотник… небрежно… с неподражаемым вызовом… сидел высокий… очень худой… но жилистый, широкоплечий человек… в солдатском х/б… и смотрел на Ананьева… так, как не мог никто другой…

– Горба...

Ответом на это была улыбка… совсем уже приветливая… и потому обнажившая передний ряд зубов… и второй слева, от которого осталась лишь половинка… широкая ладонь при этом… раскрылась… и предложила… слегка коснувшись средним пальцем коричневой вокзальной фанеры… садись…

И Ананьев сел… у ног поставив серый портфель-дипломат… с тремя колесиками секретного замка… и буковками… по моде того времени… черные на серебре…

наклеенными… одна за другой… в узкой темной полоске между двумя алюминиевыми ребрами… справа от черной ручки – ANANIEV…

Горба… увидев эту надпись… хмыкнул… качнул головой… и не столько с удовольствием… сколько с видимым удовлетворением спросил:

– Украл?

Ананьев… совершенно растерявшись… промычал что-то невнятное… а Горба… ласково глянув… таким знакомым… незабываемым образом – слегка приподняв всегда полуопущенные веки и тут же опустив… сказал по-дружески… просто и быстро…

– Да, ты засунь его под скамейку… подпихни, да и все… кто его там увидит…

***

Большие часы у дальней стены… у касс… показывали 19:08… пятнадцать минут до отхода электрички на Колесин….

– А ты, значит, здесь… и правильно… большой город… легко затеряться… но лучше в тайге…

Проговорил… о чем-то своем подумав, Вовка Горбенко… и добавил… чуть помолчав…

– С карабином «сайга»…

Руки у школьного товарища… ровесника… были… словно отдельно… от всего остального тела… совершенно самостоятельно… раздавшиеся… расширившиеся необыкновенно… и как у тридцатилетнего тракториста из Фруктовки… все в ранках, коростах и мозолях…

– Да… год дисбата, – сказал Горба, – и еще… потом… четыре месяца в части… дослуживал…

– А сейчас куда… домой… в Чугыш?

– Да на кой… и кому… этот Чугыш сдался… на Сахалин подамся… или на Камчатку…

– Ты видел когда-нибудь океан? – спросил Горба… немного помолчав…

– Нет…

– И не хочешь? – Горба вновь приоткрыл веки… и Ананьев поразился… какие же они у него голубые… и ясные… глаза… на этом задубелом… просушенном всеми ветрами… лице…

– Не хочешь… ну, может, и правильно… – вдруг заключил Горба... и посмотрел… на светлый угол полутемного подвального зала… где суетились у пригородных касс какие-то люди… еще надеявшиеся успеть на электричку… Ананьевскую… до Колесина….

– Может, и правильно… если тут… все получается…

– Только ты это… так не рискуй… – вновь повернув к Ананьеву большую голову… с резко теперь выступавшими скулами… и ставшей совсем темной… глубокой складкой от крыльев носа к кончикам губ… совсем негромко… по-свойски… сказал Горба:

– Сдери эту херню… прямо сейчас пойди в туалет… и нахер… зачем писаться…

– Ну, да… – кивнул Ананьев, – конечно… сейчас…

И поднялся… и двинулся… и не бегом… вверх по ступенькам... на платформу… где еще можно было… наверняка… заскочить в последний вагон колесинской электрички… а за колонны… к туалету… в продутом сквозняками… кафельном тоннеле… между подземельями вокзала и метро…

И ничего другого Ананьев сделать не мог... потому, что не знал… как объяснить Вовке Горбенко… не потеряв лица... и совести, и чести… что нет больше на свете того мальчика... которого он имел право когда-то… полное… окликнуть:

– Хиля…

Того, что Горба сам себе придумал… нарисовал в своем воображении... нет… и никогда уже не будет…

***

А маме он позвонил… когда дошел… до Центрального телеграфа на Горького… пешком… сначала по самым темным переулкам Басманной… а затем… по залитой светом улице Богдана Хмельницкого… проезду Серова и проспекту Маркса…

Согрелся в теплом зале на Огарева… зашел в прозрачный пенал телефона-автомата… кинул пару жирных… захватанных пятнашек в щель… и сообщил, что подвернул ногу… на физкультуре…

– Да, нет… не сильно… нужен простой покой… так доктор сказал… покой и все…

И год, наверное… после этого… не бывал на площади трех вокзалов… ни с «дипломатом» – серебряные ребра жесткости, замочек с барабанчиками и серый, очень прочный пластик... ни без него…

Ловил свою электричку уже на «Ждановской»… шумной, людной станции… где хорошее… спокойное место у окна не освободится до самых Люберец…

***

И вот… три десятка лет спустя… в абсолютно пустой маминой квартире… лишившейся всего… даже так долго державшегося в ней… маминого духа… запаха… абсолютной… стерильной чистоты… свежести крахмала, прохлады сквозняка… и легчайшей… скорее воображаемой, чем вдыхаемой реально… смеси персика и бергамота… маминых духов… «Быть может»… перед Ананьевым стоял человек… и любовно перекладывал с ладони на ладонь… складной ножичек…

Последний, может быть, из всех… немой свидетель… прошлого…

Чугыш… бульвар имени Кирова… ДК машиностроителей… ДК Железнодорожников… и желто-красные, все как один парные, с эркерами, балконами, пилястрами и рустами, симметричными башенками и арками… дома… с лестницами… зелеными… железными… в небо… дворник, жена его… тетя Нина… апа… Руслан… и друг… единственный, наверное… который у Ананьева… когда-либо был в жизни… Горба…

Но как все это отделить от отца… от учителей в школе… от человека, встретившего Ананьева и маму в сквере перед техникумом… и от того, что пряталось за желто-красным… громоздилось тут же… серое и черное… за школьной спортплощадкой… за рощицей с крашенным под золото монументом… за баней с высокой трубой на растяжках… лужи, бараки… свиньи, крысы… и мальчики в рваных треухах – пидожид… пидожид…

– Ну что, хозяин… как… по рукам?

«Его бы просто выпроводить… без всяких лишних церемоний… – думал Ананьев, – за шкирку взяв… пинка наладив… этого делового человечка… из Подольска… но тогда надо самому… пойти и выбросить нож… взять его в руки… почувствовать… вес… форму… и начать вспоминать… вспоминать… нет…»

– Ладно… – сказал Ананьев, – хорошо… наличными будете платить или переведете на карту?

– Наличными, – быстро ответил ловчила из Подмосковья… земляк в известном смысле даже… и тут же из кармана достав пачку… целую пачку… грязноватых билетиков… бирюзовых тысячных… перехваченных… на несколько раз тонкой… телесного цвета… авиамодельной резиночкой… принялся что-то шустро… очень умело и по-хозяйски… отслюнявливать…

***

Желтые газовые трубы… обвязывавшие дом на Лесной… пронизывавшие его… разбегавшиеся по стенам подъездов… своей чужеродностью общей конструкции… и цветовой гамме… чем-то напоминали… зеленые пожарные лестницы… на желто-красных домах в центре Чугыша…

Но никакого сходства… подобия… Ананьев не ощущал… может быть, потому… что вся эта вызывающая желтизна не уходила в небо, а зарывалась в землю…

Она его просто раздражала… как раздражали серые почтовые ящики… и белые распредкоробки Интернет-провайдеров – все то, из-за чего он находил в подъезде посторонних… а дверь входную незакрытой…

Двадцать восьмого декабря что-то понадобилось мастерам по лифтам… Ананьев встретил каких-то людей в двухцветной спецодежде утром… по пути в контору… и вечером… когда он вернулся, чтобы переодеться… перед ни Богу ни черту не нужным корпоративом ХБЗ… все те же люди все еще перекликались… и перестукивались в стеклянной… как оранжерея, трубе лифта…

Ананьев жил на третьем… и лифтом никогда не пользовался… чужие в подъезде… да еще так долго его выстужавшие… лишь портили ему настроение… и без того дурное…

Ананьев никуда не хотел идти… тем более на праздник совершенно посторонних и неприятных ему людей… но Поройко зашел к нему в кабинет с утра и в очередной раз попросил… «не быть ананасом»… и даже добавил при этом… «уж пожалуйста»…

Удивительно…

Как и то, что именно его Ананьев… увидел самым первым… перевалив через Лесную… и заплыв в кирпичный пищевой заповедник со стороны Миусского переулка… через ворота, смотрящие на клуб имени Зуева…

Андрей Поройко стоял… возле своего немного уже архаичного… но импозантного белого «мерса»… запаркованного… где место, видимо, нашлось… рядом с заведением с названием сразу на двух языках… «Frank by Баста»… и курил… на пару со своим водителем… носившим удивительную… буквально судьбоносную фамилию… Бибикин…

Что говорило лишь обо одном… Поройко, куривший… причем именно с Бибикиным… исключительно и только уже хорошо приняв на грудь… не зря сегодня весь день мотался с праздничными визитами… он был готов – открыт ко всем развратам на земле…

– А молодца… решился… хвалю! – сказал Поройко… увидев прямо перед собой Ананьева… и улыбнулся… той самой… своей… товарищеской… чуть покровительственной улыбкой… которая всегда в нем подкупала…

***

А в «Медоварне»… в «деревенском ресторане»… и «русской лавке»… как ее определяла… похожая на печать очень редкой формы – ромб… эмблема заведения… Ананьев… живя и в самом деле… буквально напротив… еще ни разу не был…

Но сразу рассмотреть интерьеры не удалось…. Как, собственно, и публику… сотрудников и партнеров компании «ЭчБиЗи»… о которых Ананьев невольно… за пару последних месяцев… занятый подготовкой ответов на вопросы, присланные «Поройко и партнеры»… хозяевами этого производителя премиальных дорожно-строительных машин из Пенсильвании… узнал довольно много… и в самом деле… любопытного…

Слишком уж много шума обвалилось и тут же...

Едва ли не сразу… за входными стеклянными дверями… украшенными гирляндами из свежего лапника и разноцветных лент… перед Поройко и Ананьевым вырос Борис Хуторянинов…

Сегодня он был особенно похож на грызуна… то ли из-за глаз… в угаре предпраздничных забот… еще ближе подплывших к переносице… то ли из-за пары

передних резцов… сверкавших от слюны и постоянно обнажавшихся… ввиду необходимости… приветствовать и быть любезным…

– Ах, как я рад… это большая честь для нас… Андрей Аркадьевич… а вас… Юрий Владимирович… я просто лично счастлив видеть… честное слово… клянусь…

«С чего бы это…» – едва успел сам себе задать вопрос Ананьев… как уже и его, и Поройко… передали какой-то девице… на голове которой волосы стояли колом от тонны лака с блестками…

– Прошу вас… – тараторила она… – все гости у нас наверху… на балконе… чтобы все видели и слышали… и в то же время ничем… ничем совершенно не были стеснены…

И действительно… железные пролеты… два плеча… не очень широкой… черной лестницы… легким гуденьем отзывавшиеся… даже на мягкую поступь поднимавшихся… что в общем гомоне и шуме не могло не удивлять… привели на высокую антресоль…

Здесь было тише… и спокойнее… и место у Ананьева оказалось возле прозрачных перил ограждения… и весь зал с высокой елкой в загибе барной стойки… прямо под ним… так что Ананьев мог наконец удовлетворить свое… вполне понятное любопытство…

Но нет… не тут-то было… сосед по столику… потный и тучный господин… в огромной… намеренно безразмерной толстовке… с крокодильчиком… что было вдвойне смешно… спортивного «Лакоста» на груди… немедленно стал требовать внимания:

– Ну, и как вам это нравится… не видно ни хрена, и не слышно… посадили, называется… и так всю дорогу с ними… таможня вся на нас… логистика… столько проблем решаем каждый день… и все равно, как неродные…

И самое удивительное было в том… что эти съеденные жиром абрисы лица… эта обильем пота смазанная мимика… были знакомы Ананьеву… он где-то и когда-то уже встречал этого человека… так мечтавшего… стремившегося породниться с ХБЗ… да, вот…

***

Впрочем, хватило уже первого глотка вина, чтобы Ананьев перестал слушать… и сам он… перестал быть объектом какого-либо внимания… до его ушей лишь долетали отдельные слова… в основном бессмысленные… «сука»… «блядь»… и еще что-то в этом же роде…

Да Хуторянинов подбегал разок… весь сияющий от купленного… за компанейское бабло всеобщего внимания… в комплекте с обожанием… и обещал… «непременно дойти»… уже по-настоящему… придвинуть стул… присесть в конце концов… «и замахнуть за дружбу»… «за сотрудничество»…

– И за малышку? За продолжение рода? – подначивал его Поройко…

– Ну, как же… прежде всего… спасибо…

И все… ничего больше не мешало… Ананьеву… любителю математики… несостоявшемуся Лобачевскому… изучать геометрию… живого и мертвого…

Огромные прямоугольники окон со вписанными в них рядами мелких квадратиков… шары и пирамиды… первого… основного строя светильников… и ромбы с эллипсами второго… вспомогательного… поближе к бару… и к Ананьеву… с ними было все просто – Кандинский… Малевич…

Сложнее с головами под всем этим супрематизмом… там, где хозяйничали в «деревенском ресторане» и «русской лавке»… Репин и Кустодиев… там, где Ананьев пытался разглядеть… те хитроумные тетраэдры, октаэдры… кубы и призмы… взаимных связей… кровных и матримониальных… которые такими красивыми и ясными получались в его конфиденциальной презентации…

Там… где объявлялись конкурсы… распевались частушки… и поздравительные речи сменялись шуточными… среди носов, ушей, затылков… отсутствовало нечто… базовое… внутреннее, а не внешнее – соединяющее все… звено… элемент… луч… который одними только своими перемещениями по залу… от стола к столу… мог бы упростить задачу

связывания… решить ее – не было активной… вездесущей… и беспардонной… жены Бориса Хуторянинова…

– Екатерина Ивановна… – он только так ее называл… по имени-отчеству… – ее не будет с нами… да, очень, очень жаль… она в Сочи… у нас квартира там… горы и море… ну, сами понимаете… маме и ребенку сейчас не надо рисковать… ни к чему всякие там лишние… бактерии… микробы или вирусы…

Предупредил Хуторянинов сразу… еще встречая… и вот теперь… не помеченные… световой указкой… лучом… все… суетившиеся… прыгавшие… танцевавшие внизу… под Ананьевым… казались ему… лишь одинаково одетыми… или же размалеванными людьми…

Он даже… к своему стыду… не смог найти в общей толпе и шуме… ту самую девицу… что приходила когда-то в офис «Поройко и партнеры»… пытаясь выдать себя за ищущую перемен сотрудницу «Альфастройресурса»…

«Может быть, та… – думал Ананьев… – за ближним столиком… что прижимается всем жалким… цыплячьим телом… к лысому субъекту… с поблескивающим… камешек, что ли, в золото вправлен… крупным обручальным кольцом?»

Между тем… проблема семейных связей… близости… и теплоты взаимоотношений… не давала покоя и здесь… наверху… на антресолях…

– Чуть что… бегут к нам… просят… умоляют… – все о своем… больном… продолжал уже пьяно долдонить… совсем уже занудно… лишенный каких-либо углов… на шар похожий… толстяк-сосед, – а вот как дебиторку погасть… блин… совсем же просто дело… ну, так ведь… сука… элементарное… то мы как не родные… блядь… в последнюю очередь…

– Да-да, – сказал в ответ Поройко, – бывает…

И сам уже… от темы… надо думать… изрядно подуставший… решил ее попросту закрыть… стишком… конечно… и, как всегда, у него… занятным и поучительным… как в первой детской книжке…

– Ты мне не родная, не родная, нет,

Мне моя родная делает минет…

***

И вот что поразительно… на эту… столь типичную… фирменную выходку Поройко… пьяный… и от этого уже совсем заплывший… мокрый и блестящий жиртрест-сосед… не обиделся… скорее, наоборот… он как-то браво и задорно встрепенулся… и от этого… все утонувшие черты его лица… под слоем пота, сала… всей мерзости той повседневной… тупой и нудной жизни, которую он ныне вел… внезапно проступили… всплыли как Атлантида…

– А знаете что… – сказал он… счастливо заулыбавшись… буквально расцветая, – это ведь калька-перевертыш… с французского…

– Что именно? – не понял Поройко…

– Ну, это… выражение… сделать минет…

– Да?

– Ну, конечно… конечно же… «faire minette» – это буквально… «делать котика»… лизать то есть, чего-нибудь… как котик… ну, этот самый… «minette»… языком, блин… он у кота такой… шершавый, мокрый – то, что надо… только во Франции имелось в виду… да и сейчас… блин… то, что у баб между ногами... а у нас в России оно… херак… и перевернулось… имеется в виду то, что у нас… у мужиков…

– Смешно… – проговорил Поройко… – что русскому хорошо, то немцу смерть…

– Ну, не совсем, – хохотнул в ответ очень довольный собой жирняга… колобок…

И тут Ананьев понял, где и когда он видел этого человека… такого же… как и теперь, мелкого… но тогда стройного, с длинными и темными… да просто густыми волосами… и острым… птичьим носиком…

В хозяина какой-то транспортной конторы… сейчас не вспомнить, но нужно посмотреть в записках… «решавшей все проблемы с логистикой… и на таможне»… у «ЭчБиЗи»… превратился тот самый поэт… что много… много лет тому назад… в квартире Марины Белопуд… на улице Вернадского… читал мерзоидные стишки… о жопах и херах…

***

Внизу… тем временем… шумно дыхнули в микрофон… и диск-жокей задорно объявил, что снова время танцев…

– И этот тур мы начнем с белого… дамы приглашают кавалеров…

Самое время… – подумал Ананьев, – сделать наконец то, что он планировал с самого начала – улизнуть…

Тем более что Хуторянинов… и совсем недавно… еще раз поднимался… сюда… на антресоль… и снова… в общем гомоне и дыме веселья… и руки разводя… и чиркая ребром ладони по шее… повторял, что «просто невозможно вырваться»… но он сумеет… и очень скоро…

И эта угроза… не показалась Ананьеву неисполнимой…

Пора…

Он встал… слегка кивнул своим соседям… счастливо нашедшим общую тему для беседы… и так… как будто бы намерившись спуститься в кабинеты… с санфаянсом… ступил… на тут же нежно завибрировавшие… ступеньки железной лестницы…

И очень удачно… навстречу поднимался официант… тот самый молодой парень… с двумя колечками… большим – хвостика волос над темечком и маленьким – сережки в ухе… который весь вечер на антресоли менял бутылки и тарелки…

На бейджике Ананьев прочел имя…

– Скажите, Павел… есть ли какой-то способ… никого здесь не обижая… очень незаметно… покинуть помещение…

При этом тысячу… свернутую вдвое… Ананьев сразу положил в кармашек черной… фирменной рубашки… к которому и был прикреплен золотистый бейджик…

– Конечно… – рассмеялся Павел, – идемте…

Внизу он завел Ананьева в какой-то служебный закуток… попросил номерок из гардероба… сказал «минуточку»… и оставил Ананьева ждать… у двери с табличкой… золотистой, как и все здесь… «для персонала»…

Судя по звукам… доносившимся из-за тонкой стенки за спиной Ананьева… знакомства с санитарно-гигиенической частью заведения ему избежать все-таки не удалось… во всяком случае… с тем уголком, где ждали своей очереди… пускали воду из кранов… и включали сушилку для рук…

А также жаловались на жизнь... и на ее несправедливость...

– Натусик… ну, ты же знаешь… я вся нострадамус… – пыталась одна невидимая дама… с отчетливым замоскворецким выговором… разжалобить другую… «на-стра-да-мус»…

«Какой, однако, интересный праздник… – успел удивиться Ананьев, – куда ни ткнись... вверх, вниз… направо или налево… кто-нибудь обязательно… сотрудник… гость… тесть чей-нибудь… сноха… или племянник… на что-то да жалуется…»

И тут пред ним возник официант Павел… извинился за задержку…

– Да, черт, администратор успел дернуть… народу, сами видите… – Помог, как заправский гардеробщик, надеть куртку… отомкнул своим чипом дверь с табличкою «для персонала»… и… махнув рукой в открывшийся, и сразу свежестью пахнувший… ярко освещенный коридор… сказал:

– Прямо и направо… там рядом с дверью кнопка… выйдите на двор… и сразу увидите выход на Вторую Миусскую…

Так Ананьев и сделал… но выход на Вторую Миусскую не увидел… за поворотом коридора… у двери со светящейся кнопкой… стоял Борис Хуторянинов… и вид имел такой… как будто бы и сам… поговорив о чем-то с нужным человеком… только что… выпустил его… именно так, как бы хотелось и Ананьеву… не привлекая лишнего внимания… и уже, конечно, никого не обижая… из шумного и потного помещения ресторана «Медоварня»… на свободу…

***

Над головой негромко шипели белые светильники… а на лице Хуторянинова расплывалась… необыкновенной широты… и телевизионной сердечности… улыбка…

– Юрий Владимирович… какая удача… а я все думал… ну, как бы нам с вами… в этом вавилоне уединиться…

– Для чего, Борис Захарович? – задал вопрос Ананьев…

– Да темка тут одна есть…

Похоже, что в отсутствие твердой… и неизменно его направляющей руки… жены Екатерины… Хуторянинов все делал не только сам… но и по-своему…

Иначе невозможно было объяснить… с чего и почему… в этот зимний вечер на нем оказался этот бежевый костюм… с нежно-розовыми полосками… и галстук… сам по себе… на корпоративе… новогоднем… где по природной просто логике события лишь белочки да зайчики в цене… даже не кэжуал, а энимал… а тут галстук – удавка официальная… цвета увядшей пены от кофе «латте»…

С другой стороны… полный комплект начальника… руководителя… но только из того же шкафа… где тапочки с халатом – шутки Поройко, что ли, он услышал… временно самостоятельный… герой… директор русского филиала всемирно известного производителя премиальных дорожно-строительных машин… Борис Хуторянинов… Борис Захарович…

– Какая темка?

Приязнь так и струилась… мед плавал… всех оттенков… гречишный, вересковый, липовый… способный исцелить любой недуг… любую снять проблему… в глазах человека… одетого в костюм целинника, отправленного в Крым…

– Юрий Владимирович… да предложить хотелось… лично вам… заключить… как бы это точнее выразиться… договор о неразглашении… пакт… так сказать… о ненападении…

Ананьев вдруг подумал, что сходство с пронырливым и суетливым... себе на уме мелким четвероногим... Хуторянинову придает… отчетливый... рыжий оттенок его коротко стриженных волос… лисий отлив – внезапно в этом коридоре с закутком… в свете служебных ламп… ставший особенно заметным…

– А есть намерение напасть, Борис Захарович?

– Нет… как раз все наоборот… есть с нашей стороны горячее желание защитить… честное имя и деловую репутацию…

– И каким образом?

– Ну, например... не сообщать вашим клиентам... тесно связанным с людьми в заливе… ну и самим этим людям в заливе… конечно… что у одного из партнеров вашего юридического агентства… есть тесные… ну, да чего кривить душой… мы же свои тут… родственные связи с Израилем...

Это было настолько неожиданно… и непредсказуемо… что Ананьев невольно сделал что-то вроде шага назад… словно хотел получше рассмотреть… источник звука…

– Простите, Борис Захарович… это вы сейчас о чем?

Лицо Хуторянинова между тем… уже не только источало свет… лучи победы… огни салюта… но еще и пахло… взбитыми счастливой суетой триумфа… предвкушения его… яйцами с сахаром… безе…

– Вам что-нибудь говорит слово Нетанья? – прищурившись… ласково глядя на Ананьева… продолжил Хуторянинов, – а имя Ай…

Тут он запнулся…

– Гайла?

Ананьев еще немного отступил… еще раз пристально посмотрел на человека, который закрывал ему выход во двор… и дальше… на улицу… Вторую Миусскую… в чем-то окончательно убедился… и со словами…

– Извините… я забыл шапку... – развернулся… и быстрыми шагами пошел по коридору… обратно… в шум и гам «Медоварни»…

***

Вернувшись… на железной лестнице… Ананьев вновь столкнулся с официантом Павлом… но так стремительно прошел мимо него… что изумленный взгляд… парнишка с подносом, полным пустых стаканов… мог бросить… только в спину этому странному гостю… который, в свою очередь… оказавшись на антресоли… с прозрачными панелями… и видом на весь зал… сейчас же направился к столику… где не горюя уже ни о чем… беседовал с Поройко… бывший поэт…

– Мир, вообще, полон перевертышей… – ораторствовал тот, – cock… тоже ведь... у как их… афро… этих… американцев… на Юге… где дикость и плантации… не сразу стал хуем... он поначалу… блин… был, научно выражаясь, ровно обратно – вульвой… пиздой… по-русски говоря…

Вот ведь… весь вечер мучились… и наконец нашли общую тему… «темку»… как только что выразился Хуторянинов… представляющую… так сказать… взаимный интерес…

– Андрей Аркадьевич, – сказал Ананьев… прерывая плавное течение ученого высказывания… – Андрей… отвези меня, пожалуйста, домой…

Брови Поройко вскинулись… а глаза… очень спокойные и ясные… некоторое время смотрели в глаза Ананьева… в очередной раз убедив его, что состояние опьянения – понятие относительное… когда речь идет о старшем партнере… а главное на сто процентов контролируемое…

– А… да… конечно… – Поройко встал… и бросив… все еще старавшемуся что-то доформулировать соседу…

– Я через полчасика… – двинулся вслед за Ананьевым… вниз… по железной лестнице…

***

Они вышли… как будто решили вместе вдруг… впервые в жизни… оба сразу… покурить – Ананьев в куртке… а лихой Поройко… в блейзере с золотыми пуговками… и белой… ослепительной сорочке… с расстегнутым всем ветрам воротом…

На счастье, «мерс» Андрея… ждал под парами… буквально в двух шагах… сразу же за углом…

– Антон, – сказал Поройко водителю… сладко дремавшему в тепле хозяйского железа S-класса, – сходи, дружочек… кофейка хлебни… съешь бутербродик…

Сообразительный Бибикин… тут же кивнул… мгновенно поднял… откинутую очень далеко и упиравшуюся в колени Ананьева спинку водительского сидения… подхватил пластик, протянутый ему Поройко… и тут же оставил двух своих хозяев… старшего и младшего… вдвоем… на заднем…

– Что у тебя случилось, дружище-Ананас? – спросил Поройко, глядя, как спина Бибикина… подталкиваемая попутными… крупными… сверкающими в огнях вечера снежинками… удаляется по направлению к ярко горящим буквам… «Frank by Баста»…

– Меня только что пытался шантажировать Хорек… ну, понимаешь… в связи с запросом «ЭчБиЗи»… он все-таки узнал о нем… как ты и предполагал…

– И как? – лицо Поройко… не выражало ничего… кроме здорового любопытства…

– Да… бред какой-то… грозился сообщить… всем нашим клиентам, работающим с арабами… что кто-то… да, нет… вообще… один из нас… имеет родственные связи с Израилем… не знаю… чушь, очевидная… ну, может быть, конечно… у Мишки Голомштока кто-то там…

– Нет, не у Мишки… – сказал Поройко… отмел с порога… купающегося сейчас где-то… в Таиланде… в теплых морях… самого младшего из партнеров… и улыбнулся… очень ласково…

– Это у тебя, Юра… у тебя лично… там дочь…

– Какая дочь?

– Ну, Анина… от Бляхмана...

– Эля, что ли?

– Она самая…

Некоторое время Ананьев и Поройко сидели молча… приборная доска люкса прошедшего десятилетия… слегка подсвечивала салон... кожу… красноватые вставки под дерево… лица партнеров – очень спокойное… вполне удовлетворенное Поройко… и совершенно обалдевшее… Ананьева…

– Он что… дурак? – наконец спросил Ананьев…

– А у тебя… были сомнения? – рассмеялся Поройко…

Снежинки за окном… давно уже проводив Бибикина… и попрощавшись… клеились теперь к стеклу… бились в него… сгорали от любопытства…

– Ну, хорошо… – Ананьев пожал плечами… к нему вернулось обычное его… внешнее хладнокровие. – Но взял-то он… Хорек… все это… чушь и бред… откуда… где и как откопал…

– Видишь ли, Юра… – Поройко с дружеской снисходительностью подмигнул… и выдал с милой улыбкой: – Тебя очень активно разрабатывали… в девяностых… когда ты, бросив госслужбу, метался… между французами и голландцами…

Все тот же дежурный свет… стрелочек и циферок… подсвечивал салон… еще немного нежности сумраку добавляли веселые и беззаботные уличные фонарики…

– А у вас... – решился все-таки Ананьев, – у вас, Андрей… с Хорьком… один… общий майор...

– Нет... – вновь засмеялся Поройко... охотно и беззлобно... – разные… и главное… один не любит другого...

И взгляд его был… точно такой же, как и пару часов тому назад… до всех идиотских происшествий дня… полный обыкновенной и совершенно искренней товарищеской теплоты…

***

На следующее утро Ананьев сам зашел в кабинет Поройко – пару недель тому назад наняли все-таки… наконец-то… нового офис-менеджера… девушку Инну… легкую и ненавязчивую… похожую… как и заказывали… на маленький… всегда спрятанный в нужном… надежном месте… карандашик для бровей… и старший партнер теперь уже не должен был… сам себе… варить кофе – болтаться в неурочный час… как простой бухгалтер или посетитель… в холле…

– И что теперь… в свете вчерашнего… доделываю отчет… и презентацию?

Поройко побарабанил пальцами по звонкой столешнице… что снова, как при Зине… стала девственно чиста… ни бумажки… и на комодике ни одной – лишь фотографии, да сувениры… похоже, знает свое дело… девушка Инна… Инесса Станиславовна… удачно выбрали… точно не мякиш… и не зяблик…

– Приятный звук… – сказал Поройко… очевидно тоже одобряя работу нового офис-менеджера… чистая нота… вновь ничего лишнего…

– И все-таки… – Ананьев не был Глинкой или Мусоргским… и музыкальных намеков не понимал…

Поройко посмотрел на своего партнера… так, словно только сейчас его увидел… а увидев, сейчас же стал бодр и весел… вновь полон жизни и ехидства… как всегда…

– Ты знаешь, – проговорил он, – пока не принято окончательное решение... надо ли этой чете так и командовать... и стричь эту пиндосскую шарагу... короче, хбз... в общем, работай… спокойно трудись, друг мой... продолжай… партия тебе верит… но пасаран…

«Еще бы сказал: будь готов – всегда готов», – подумал Ананьев… выходя в холл…

И в самом деле… не этот ли человек отвечал… недавно… после визита некой гранд-дамы в плюше… не поделившей с кем-то завод резиновых изделий под Тамбовом… на нескрываемое раздражение Ананьева…

– Да где же такие вот рождаются…

Ядовитым и саркастическим:

– Где… где… там же, где абырвалг и нофелет... В Совке!

И плюс к тому еще и очень гордился… всегда подчеркивал… что они с Бреньковым… банкиром – «Ков-банк»… и пивоваром – «К-бир»… земляки…

Но пасаран… партия тебе верит…

«Надо же… – уже в своем кабинете… смотрел Ананьев… с высоты двенадцатого этажа… как на Лесной… внизу… сходятся и расходятся трамваи, – сколько же в одном человеке намешано всего... и все фонтанирует... бьет в небеса… в стороны… задорно, беззаботно… не прячется и не скрывается… а в нем… в Ананьеве... одно... только одно... и то… под спудом… под тысячей и тысячей тонн… лежит и не дышит... как человек, заваленный в глубокой… наглухо замурованной шахте…»

И больше в тот день… они уже не общались…

И только пару раз… до Ананьева доносилось… из коридора… когда старший партнер шел мимо… наведывался в другие кабинеты… с водой и прочими удобствами… что-то еще более несносное… и пошлое… чем слышалось обычно… при всей невинности… как слов, так напева – ну, хоть сейчас на ЦТ…

– Меланхолия дульче мелодия...

***

А после длинных новогодних праздников… Ананьев заболел… надо же… закаленный человек… не боявшийся никакого холода – температура… и ужасный кашель…

– Ковид… у вас ковид… – взвизгнула соседка по площадке… как раз… собравшаяся выйти на прогулку… с тремя собачками… йоркширскими терьерчиками… в разноцветных тулупчиках… с белой опушкой…

И резко захлопнула дверь… перед самым носом… сотрясающегося на лестнице… от очередного зверского приступа Ананьева… и больше в этот день… дверь квартиры напротив ни разу не хлопнула… наверное, в лоток пришлось ходить… терьерчикам… и в самом деле… мелким, словно кошечки… влезут вполне….

Но оказалось – просто бронхит… жестокий… ну, или так сказали... в поликлинике...

И пару недель Ананьев работал из дома… не выходил… навстречу трем собачкам… и их хозяйке… пенсионерке… с крашенной в цвет ржавчины мочалкой на голове… и шубке… должно быть из стаи любимцев прошлых лет… иначе как объяснишь… зачем ей сразу столько – три… а, может быть, и все четыре…

И, конечно, именно в эти дни… когда необходимо было вылежаться и отсидеться… Ананьева начал одолевать риэлтор:

– Юрий… клиент на крючке… и даже не торговалась… а наличными спрашиваю – чисто для понта… без проблем, отвечает… жила, говорит, на Донской… родные, типа, места… чуть ли ни в этом же самом доме… хочу вернуться… а тут… к тому же… так тихо… так спокойно… все окна во дворы…

Риэлтер у Ананьева не только был беспардонен… очень любил поговорить… но еще и отличался непростительной самоуверенностью… поэтому Ананьев слушал вполуха…

– Такая… вся в коже… мама-родная… панковая… может и не дольче-прямо-с габаной… но точно вещь не за три копейки… а ездит… на свежей вполне себе… Ауди ТТ…

«Все это странно… если не подозрительно…» – думал Ананьев…

Ну, в самом деле… каким таким достоинством для описанной квартиросъёмщицы… может быть близость к метро Шаболовская... да и, вообще, сама по себе… хрущевка... смешная полуторка… голые стены… икеевская мебель – книжные этажерки, диван без покрывала и подушек… ну, кухня с ванной… может быть… что-то еще из себя представляют... но и они, конечно… эконом-класс…

И тем не менее… в первую же субботу февраля – пятого… Ананьев собрался и поехал на финальные смотрины…

– Железно… – повторял риэлтер, – сто процентов сегодня же и подпишем договор…

***

Ну, и конечно… готовая платить… наличными… за романтические воспоминания юности… за тишину… и все окна во двор… клиентка на Ауди ТТ не явилась… вообще пропала…

– Надо же… птица-обломинго… и телефон не отвечает… ну, кто бы мог подумать… – никак не унимался риэлтер… дядька слегка за сорок… с фамилией Степанчиков… и все тыкал пальцами в экран своего телефончика… и даже в какой-то момент… как будто бы надеясь… оправдаться так… вызвать какое-то сочувствие… включил громкую связь:

«Ту… ту…ту…», а потом… «телефон абонента занят или он временно находится вне зоны доступа»… что-то в этом роде…

Ананьев дал возможность этому нелепому человеку… риэлтеру Степанчикову… еще полчаса потоптаться в комнате мамы… в кухне… а потом они закрыли дверь… спустились по лестнице на улицу… Степанчиков сел в свой видавший виды… совсем уже не свежий Опель… и отбыл по направлению к Калужской площади… а Ананьев пошел в другую сторону… к станции метро Шаболовская…

И здесь уже… метрах в пятидесяти от двенадцатиэтажки на Донской… недалеко от пешеходного перехода через улицу Академика Петровского… на очень удобном месте… с которого и сам дом матери, как на ладони – подъездная дверь… и скамеечки перед ней… Ананьев и увидел… обещанную… и его ждущую… «панковую»… «всю в коже»… и Ауди ТТ у нее за спиной…

– Простите, Юрий Владимирович, за этот некрасивый и недостойный, может быть… розыгрыш… но очень вас прошу… не уходите сразу… давайте все-таки поговорим… раз уж подманить вас…

Она так и сказала «подманить»…

– У меня все-таки получилось…

***

– Ты что… Ананьев… баб боишься? – спросил его когда-то Андрей Поройко… и так бы, наверное, это и выглядело… если бы Ананьев… поддался первому позыву… и просто… не говоря ни слова… прошел мимо… девушки… что выглядела намного привлекательнее и

чище… чем можно было предполагать… по одному лишь только фото… облегченному… на сайте журнала «Глюч»… в разделе «Все наши»…

– А вы… я так понимаю… Полина… – спросил Ананьев….

– Да, Юрий Владимирович… все верно… я Полина Долохова… давайте все-таки присядем… – ладонь при этом… с крупными… очень крепкими на вид… черными ногтями… гостеприимно развернулась… в сторону припаркованного в паре метров… Ауди ТТ.

– Как вы додумались до такого…

– У меня просто не было выбора… вы же решили прятаться… по нашим же правилам… по правилам журнала… все материалы расследований с указанием подлинных имен должны быть согласованы… если люди живы, так сказать, и здравствуют… Александр Васильевич Иваницкий уже подписал… со стороны же вашей семьи вы единственный из упоминаемых…

Она не закончила фразу…

В чужой машине… вновь, как и месяц тому назад… колени Ананьева во что-то упирались… на сей раз только не в сиденье, а в черное торпедо... с рядом кругленьких… изящных бляшек вентиляторных отверстий… три поменьше – слева… и одна побольше – отдельно справа… напоминая композиционно полу черного… стильного… пальто… три пуговицы от груди и до пупа… а крупная – на воротнике…

– Рычажок прямо под вами… просто потяните вверх…

Ананьев повиновался… и сам не заметил, как плавно отъехал назад…

– Да, вот, собственно… – продолжила соседка… в куртке без пуговиц… и с черными… как будто молотком… поочередно… отбитыми ногтями. – Можете глянуть… там непосредственно о вас… буквально три абзаца… можно сказать, ничего…

Она полуобернулась… подхватила… на заднее сиденье брошенную… розоватую… полупрозрачную… папку-портфель с коричневыми косичками веревочных ручек… откинула клапан, державшийся на красной кнопке… и извлекла листочки… десятка два…

«Да, неужели же она и в самом деле полагает, что я все это стану смотреть… читать… подписывать, – подумал с отвращением Ананьев, – три или же сколько там абзацев…»

– Хорошо… – при этом вслух… сказал Ананьев, – а как вы оказались здесь… нашли Донскую… дом… квартиру…

И тут… как будто солнышко… в этот унылый, пасмурный день… вывалилось из плотных облаков… и глянуло в лицо Полины Долоховой… и оно заблестело от профессионального удовлетворения… и самого обыкновенного… простого… общечеловеческого удовольствия…

– Это называется удачей… рукою Провидения... Ребята помогли из нашего Колесин-центра… ваша мать переписывалась с теткой одного из них… письма сохранились, конверты, соответственно… я стала проверять дом… наткнулась в Интернете на объявление о сдаче в аренду… позвонила риэлтеру… номер квартиры совпал… а дальше… дальше просто смелость, что города берет…

– Колесин-центр? – переспросил Ананьев.

– Да, у нас там… в вашем родном городе… крепкая ячейка… издательство даже свое… не слышали… Колесин-Пресс?

Ананьев не стал отвечать… он помолчал немного… сбил аккуратно листики… лежавшие на пластиковом гребне… между ним и журналисткой-расследователем… на узком пятачке, образованном задвинутой в последний паз ручкой переключения скоростей и до отказа поднятой стояночного тормоза… еще раз поправил… а потом быстрым движением подхватил все сразу… листки-листочки… и разорвал пополам… сложил… и теперь уже… с некоторым усилием… еще и поперек…

– Если… – сказал Ананьев после этого, – хоть бы одна строчка… хотя бы одна буква… из всего этого… хоть в каком-то виде… всплывет хоть где-нибудь… не только вы лично… но и то издание, которое вам будет… потворствовать… получит столько судебных

исков… столько дел… и не только… уверяю вас… о незаконном использовании персональных данных… что разгребать их будет до скончания веков… до посинения… до морковкиного заговения…

И через секунду он уже быстрыми шагами шел к станции метро «Шаболовская»… испытывая сразу… и одновременно – омерзение… от мысли, что эта бойкая девица… Полина… наверное… так радовалась… мечтала, думала о том, как засунет свой нос… журналиста-расследователя… в квартиру мамы… найдет там что-нибудь… скандальное и живописное… черту, деталь… и счастье… от того, что там… у мамы… лишь чистота… абсолютная и полная стерильность…

***

Март и апрель принесли много новостей...

Сначала «ЭчБиЗи»… одной из первых западных компаний объявила о полном сворачивании своей деятельности в РФ… и закрытии русского подразделения...

А чуть позднее Ананьев прочел на «РБК», что в Минске… при попытке вылета в Хельсинки… была задержана в аэропорту известная журналистка… и активистка контркультурного подполья… Полина Долохова – звездный автор… буквально только что… прекратившего свою многолетнюю деятельность… и, вообще, существование журнала «Глюч»…

Но главное… самое важное… квартиру на Донской… Ананьев наконец сдал…

В жилье срочно нуждалась… оказывается… новый офис-менеджер… Инесса Станиславовна Рубцова… и все решилось без всякого риэлтера… залогов… комиссионных…

Сегодня утром – Поройко задал Ананьеву вопрос… а назавтра – уже Ананьев ему ответил, что съездили, посмотрели… и договорились…